

СМЕХА РАДІ

Сборник юмора, сатиры и карикатур

УДК 82-1 + 82-3
ББК 84 (4Укр=Рус)
С 88

В книге использованы рисунки художников **Николая Капусты** и
Сергея Мелешко

Под общей редакцией **Александра Товберга**

С 88 Смеха ради: коллективный сборник юмора, сатиры, карикатур. –
Донецк. – 162 с.

ISBN 978-966-10-82-26-1

В сборник Красноармейского ТО «Сущвіття» вошли произведения авторов, пишущих в разнообразных юмористических направлениях прозы и поэзии: пародии, юморески, сказки, афоризмы, одностишия, песни, басни, хокку, лимерики, шуточные стихи для детей и др. Не забыт и весёлый жанр изобразительного искусства – карикатура.

География литераторов не ограничивается Донетчиной. Тут и представители АР Крым, Луганской, Запорожской, Харьковской, Киевской областей, а также – Москва и Санкт-Петербург.

УДК 82-1 + 82-3
ББК 84 (4Укр=Рус)
© ТО «Сущвіття», 2013
© Коллективный литературно-
художественный сборник «Смеха ради»,
2013

ISBN 978-966-10-82-26-1

Древние мудрецы, в частности, Аристотель, утверждали, что из всех живых существ только человеку свойственен смех. Ну что же, посмеяться мы любим, это правда. А вот написать так, чтобы было по-настоящему смешно читателю — не каждому дано. Выдающихся писателей-юмористов (сатириков) за всю историю литературы наберётся не так уж много. Вывод? Юмор — жанр специфический и требует от писателя особого таланта.

Авторов смешного жанра мы и постарались собрать в сборнике «Смеха ради». Причём, не побоюсь назвать книжицу, которую вы листаете, уникальной, ведь под одной обложкой мы сконцентрировали как признанных литераторов, имеющих за плечами серьёзный литературный опыт, так и аматоров, непрофессионалов, открывающих себя в этом жанре по мере отпущенного таланта.

Ну и какой же шуточный сборник без смешных рисунков! Их, всем нам на радость, хоть отбавляй! Карикатуры знаменитого Николая Капусты — истинное украшение нашей книжицы. А с изобразительно-юморной стороны от ТПО «Суцвіття» достойно выступил Сергей Мелешко.

Так что — читайте, смейтесь, и пусть муза комедии Таalia никогда вас не покинет!

☺ ~ Наша гостиная ~ ☺

Юмор приводит в действие механизм мысли.

Марк Твен

Эдуард АБРАМОВ, 1938 г.р., Усть-Каменогорск, Казахстан. Поэт, прозаик. Член Национального союза писателей Украины. Закончил юридический факультет Алма-Атинского университета и Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Работает директором Феодосийского отделения Литфонда Крыма, заместителем редактора журнала «Черное море». Награжден медалями. Автор поэтических сборников «Феодосия — город у моря», «Феодосийская волна»; прозаических книг «Дорога жизни», «На улице Надежды». Написал «Продолжение «Тихого Дона», продолжение «Евгения Онегина».

*Волна морская обласкала,
Обцеловал меня норд-вест.
Он с беспардонностью нахала
Касался так интимных мест,
Что стон тоски вознёсся в небо!*

Инна Сидоренко

На берег вышел поутру,
Послушать чтоб морские дали,
Но в эту раннюю пору
Там громко женщины рыдали!

А повод был банально прост:
Они от счастья стонали.
Их обцеловывал норд-ост,
Как могут мужики едва ли.

Касался всех интимных мест
Он с беспардонностью нахала.
И смех, и плач неслись окрест,
Когда волна их накрывала...

*Чьё-то присутствие,
чьё-то движение, чьё-то волнение,
чьё-то дыхание.
Рядом с течением жизни неслышно
Что-то великое, что-то глубокое.*

Алла Дерюгина

Кажется мне - я всегда в окружении.
И от того мне одно лишь страдание!
Чьё-то присутствие, чьё-то движение,
Чьё-то волнение, чьё-то дыхание...

Что-то за мною всё ходит неслышно,
Что-то глубокое, что-то великое,
Что-то предвечное, что-то предвысшее,
Что-то ужасное и многоликое.

Возле него мне всегда одиноко.
Вижу его из неммыслимой дали!
Смотрит своим всеобъемлющим оком
И нагоняет тоску и печали...

Прогресс настиг таки, маня,
Сижу часами у компьютера!
Экран мерцающий меня
Своей премудростью замуторил.
То кнопку жму совсем не ту,
То «мышка» мне не подчиняется.
И снова эту маету
В стих превратить не получается.

Я лезу в справочник опять,
Чтобы постичь науку тонкую.
Где вдохновенья благодать,
И мысли блеск, и рифма звонкая?
Зачем мне эта канитель,
Коль нет поэту облегчения?
Эх, завалиться бы в постель,
Забыв про символы-значения.
Но я упрям, как сто ослов,
Всё ж накопал стихотворение.
И ручку взяв, без лишних слов
Предал бумаге сочинение!

Все те, кому до сорока,
Теперь мне кажутся юнцами.
Несётся времени река
Шальною тройкой с бубенцами.

Звенит, ведя секундам счёт,
Торопит годы без причины.
Снегами волосы сечёт
И старцем делает мужчину.

Но всё ж так хочется порой
За молодыми с рюкзаками
Рвануть тропинкой полевой!
И мы бывали рысаками!

СИРЕНЕВОСТЬ

Сиренево дышит сиреневый вечер,
Сиреневы крыши, сиреневы свечи.
Сиреневый ветер сиренево светел,
Сиреневый свитер, сиреневый пепел,
Сиреневы тучи, сиреневы мысли,
Сиреневы кручи сиренево виснут.

Сиреневы волны в сиреновой пене,
Сиреневы чёлны, сиреневый гений
Сиренево слышит, сиренево пишет,
Сиреновой тишью сиренево дышит.
Сиреневый сумрак в сиреновой нише
Сиренево пахнет, сиренью колышет.

ПЕРВОАТРЕЛЬСКАЯ БЕЛИБЕРДА

Прохожий ел колбасные обрезки,
Балдели алкоголики в саду.
Из магазина спёрли занавески,
Животноводы начали страду.

Уньло запиликала гармошка,
С утра затосковало всё нутро.
Соседка полуголая в окошке.
С балкона кто-то выбросил ведро.

В домах ещё сильнее похолодало,
Порнуху закрутил ночной эфир.
Старуха подоткнула одеяло,
Подорожали водка и кефир.

Без дела зубы маялись на полке,
Не наступал обещанный прогресс.
С сосны посыпались засохшие иголки,
И света меньше выдал Днепрогэс.

Из офиса выглядывали клерки,
Туман накрыл кресты и купола.
В «буржуйке» догорала этажерка,
И отвалилась ножка у стола.

Опять вода не капает из крана,
Челнок завёз холерный вибрион.
Кислятиной несёт из ресторана,
Открылась где-то сессия ООН.

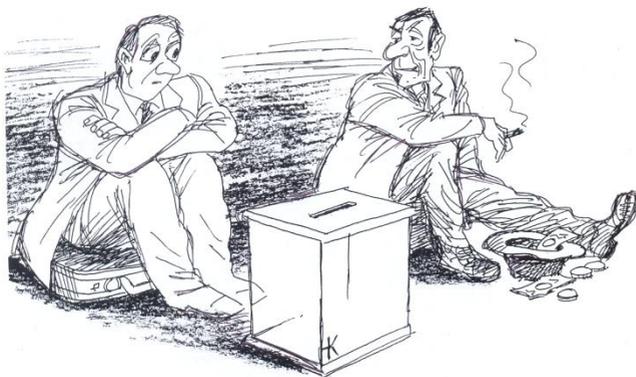
Тобили бизнесмена на базаре,
На дискотеке вырубили свет,
И пролетают дни в сплошном угаре,
И заседает городской совет.

Реклама обещает, что попало,
Достала всех, как наболевший флюс,
А если вам вдруг неуютно стало,
Откройте для себя вы «Олвейс-Плюс».

Вечерняя звезда в навоз упала,
Вдохнули ацетона дураки.
Нам, как всегда, чего-то не хватало,
Нам, как обычно, было не с руки.

По телеку шумели депутаты,
На клумбе веселился чей-то кот.
Работникам не выдали зарплату,
И так уже идёт который год.

Так как же жить, к чему теперь стремиться?
Не скажет ни профессор, ни студент.
А может, референдум состоится,
И жизнь наладит новый президент?

Признаюсь, не без обожания
Себя, как хорошо, когда
Разгорячённый после бани я
В объятья прыгаю пруда.
Мне нравится коров мычание,
Я их приветствую: «Бонжур!»
И коз почтенное вставание,
Когда я мимо прохожу.
И петушиных горлопанов
Любезен в честь мою салют.
И в поле возгласы баранов...
Я понимаю - узнают!
Меня - певца, маэстро слова -
Непревзойдённого Пруткова.

НА ПРЕДМЕТ РАСКАЯНИЯ

Ты каешься - душа страдает,
За то, что в кабаке при всех
Хамил любимой, что ж, бывает,
Но это не смертельный грех.
Не утешай себя вином.
Оправдываться - бесполезно.
А лучше врежь здоровым сном
По мукам совести болезной.

ЕЩЁ ОДНО НАПУТСТВИЕ

Не сетуйте о том, что мало платят
За стих, и вы живёте на воде.
И не за что купить вам даже платья,
Костюм, носки, ботинки и т.д.
Терпите и мужайтесь Бога ради,
Не берегите свой душевный жар...
На дне страданий золото осядет.
И это самый высший гонорар.

ДАЧНОЕ ОЗАРЕНИЕ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

На даче, в элегической глуши,
Качаясь в гамаке, взираю ввысь я,
И так печален сад моей души,
Как будто кто-то в нём

опорожнился.

Таинственный,

кто он и почему

Решился на такое?

Нет в нём святости

К столпу литературы...

И пойму:

Всё это, не иначе, как от зависти.

КАК-НИБУДЬ

Мадам, я вашим чувствам веря,
Ответить тем же не могу,
Боюсь, что разбужу в вас зверя
И с перепугу убегу.

Не надо становиться в позу,
Весьма нескромную притом,
Давайте к этому вопросу
Вернёмся как-нибудь потом.

Земные страсти, чувств обуза,
Мне стали чужды, и сейчас
Меня волнует только Муза
И, право, как-то не до вас.

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРОВЕНИЕ, ЯВЛЕННОЕ КОЗЬМЕ ВО СНЕ

Есть в природе для избранных вещи
И во сне, полагаю, что вещем,
Мне пришло откровенье пророка,
Неизвестное людям досель:

Ноги кормят не только волка,
Ноги кормят и фотомодель.

ПЕРЕД ЮБИЛЕЕМ

Годы листьями летят...
Что ж это такое!?
Скоро мне за шестьдесят.
Нет душе покоя.
Тянет к стопочке с утра
И болят конечности,
Может быть, уйти пора
Коридором вечности?
Жаль в себе - чего таить -
Умного писателя.
Но больней осиротить
Своего читателя.

Станіслав ЖУКОВСЬКИЙ, 1938 р.н., Севастополь. Поет, перекладач. Працював політником машиніста і машиністом. Після закінчення факультету журналістики Київського університету, перейшов на журналістську роботу. У різні роки працював в періодичних виданнях міст Єнакієве і Донецьк. Член НСПУ з 1981 р. З 1982 р. – відповідальний секретар Донецької організації НСПУ, 2001-2011 рр. – голова. Мешкає в Донецьку. Вірші Жуковського друкувалися в обласних і республіканських періодичних виданнях. Лауреат премій ім. В.Сосюри Донецького обласного фонду культури, Донецької обласної премії ім. Тригорія Кривди. Нагороджений медалями. Почесний громадянин м. Єнакієве.

ПРО НАГОРОДИ

Звання почесні, різні ордени
Отримують мої колеги, друзі.
О, господи, ти їх оборони,
Хоча не всім даються по заслугі.

Скажу відверто: їм не заздрю я,
Ні ради слави, ані ради моди.
Були б лиш чесні совість та ім'я,
А іншої не треба нагороди!

БІЛЬШЕ НІЖ СОБАК

Ціни на бензин у нас шалені,
Та усі ми бачимо однак,
Що на наших вулицях зелених
Іномарок більше ніж собак.

ОДНОДУМЦІ

Він думає, як гроші заробити,
Вона про те, як витратити їх.

І все ж обох нам можна зрозуміти -
Єдина думка в голові у них.

НЕ ВМІЮТЬ ЧЕРВОНІТИ

Нардепи сваряться, мов діти,
Буває, б'ються кулаками.
Але не вміють червоніти,
Як і ведеться між вовками.

ПЕРЕТВОРЕННЯ

Ще двадцять літ назад потому
Вони виходили з обкому -
Серця гарячі, руки чисті,
В уяві - справжні комуністи.
Та як це сталося й чому
Не десь у сні, а наяву,
Що ті поважні партократи
Перетворилися в магнати
І замість строгої покари
З жінками їздять на Канари!

ЛИШАЮТЬСЯ СІРИМИ

Вони не просто поети, а «генії»,
З короткими чолками на лобах,
Запрограмовані мудрими генами,
Усе, як то кажуть, їм по зубах.

Та я придивляюсь до них з недовірою
І не спішу подавати руки.
Зухвальці на ділі лишуються сірими -
Такими і йдуть у прийдешні роки.

СЛОВА НА ВІТЕР

Прощають молодим усе на світі -
Сумнівні вірші, пристрастей печать.
Та слів, що кидають на вітер,
Не можна навіть їм прощати!

Обікрали білим днем без сорому
Тай втішають: буде благодать.
Перш за все, нову державу створимо,
А тоді вже будем панувати.

Обікрали білим днем по-чорному
(Ось який у нас веселий рай).
В нім до рук усе іде проворному,
Хто як може, так і виживай.

Обікрали білим днем до ниточки,
Вивезли багатства за кордон.
А народ зітхає: це ж бо квіточки,
Ягідки ще їстимем, либонь!

ПРУТЬ В «ПИСЬМЕННИКИ»

Багатії в країні, як у себе вдома,
Новим порядком відкривають путь:
Раніш купляли золото й дипломи -
Тепер в «письменники» полками пруть!

БРЕХУН

Щоб не було, а правди не казав,
Він з усіх сил ще з юності брехав,
І це його нітрохи не гнітило,
Бо саме у брехні знаходив силу!

ІСТИНА

Є глибина і висота -
Маленька філософія.
А істина завжди проста,
Не схожа на утопію!

ЗАСЛУГ НЕ ТРЕБА

Не досягнув вершин в літературі,
Не зміг і для держави щось зробити.
Але в письменника нема зажури -
Впливовий друг його боготворить!

НЕ ПРОЩАЄ НАРОД

Сльоза застигне на лиці
Від гніву і терпкого болю:
Ще ходять по землі людці,
Єством поєднані з ганьбою.

І підлабузник, і шахрай,
І бюрократ, сухий чинуша,
Які для себе творять рай,
Сховавши сором в чорних душах.

Немає інших в них турбот,
Як лиш трясуться за шкуру власну.
Бо не прощає їм народ
Оту розбещеність негласну.

Павло КУЩ, 1962 р.н., слт. Андріївка Бердянського району Запорізької обл. Закінчив факультет журналістики Київського держуніверситету ім. Т.Шевченка. Працює кореспондентом газети «Урядовий кур'єр» по Донеччині. Автор книги гумористичних оповідань, повістей для дітей. Лауреат Всеукраїнського конкурсу політичної сатири «Золота ратиця» (2003); Всеукраїнського конкурсу творів для дітей «Золотий лелека» (2008); премій ім. П. Байдебури (2001), Т. Кривди (2004), ім. Остапа Вишині; обласних конкурсів «Золоте перо Донбасу» (2003), «Книга Донбасу» (2006 и 2011). Голова Донецької організації НСЖУ з 2011 р.

БЕРЕЖЕНОГО БОГ БЕРЕЖЕ

Новорічний репортаж

Мугикаючи собі під ніс: «У лісі, ой, у темному, де ходить хитрий лис», я човгав зношеними валянками до сусіднього під'їзду. Та й сам собі в цей момент здавався дуже хитрим-хитрим. Бо ідея нарядитися Дідом Морозом і мати з цього певний зиск - ту ж чарку на вдячність за привітання, була безпрограшною. Давно відомо - хлібосольні господарі, як правило, так напувають Діда Мороза, що бідолаху потім везуть додому на санчатах.

Це раз. І два - якщо категорично відмовитися від вживання окориті, то вдячність за поздоровлення можна брати грішми...

- Хто? - почулося з-за дверей першої квартири.

- Дід Мороз! - бадьоро притупнув я валянками. - Привітання вам приніс...

- Ще невідомо, що ти приніс, - єхидно зауважив голос по той бік дверей. - Ану зізнавайся, старий: що в тебе під кожухом - обріз чи балончик із сльозогінним газом?

Такий холодний прийом не міг не спантеличити, і я позадкував від негостинних дверей.

Та це, виявляється, був тільки початок, і за наступними дверима мене зустрічали аж ніяк не краще.

- Я купаюсь!

- Чорти тебе тут носять!

- Самі старцюємо по вихідних...
- Ось як зніму зараз зі стіни мисливську рушницю - не знатимеш якою дорогою втікати!
- Ідїть у 15-квартиру. А в нас нічого немає...
- Бреши, бреши. Хїба я Дїдів Морозів не бачила! Я саме таку кас-труляку окропу приготувала. Тільки сунься! Буде тоді і Мороз, бу-де і відлига...
- Відїди від дверей на один крок. Покажи посвідчення. Немає? Тодї відїди ще на три кроки, поклади руки на потилицю і кажи своє привітання. А потім катай звідси, поки трамваї ходять.
- Щас відкрию! Ось тільки сокиру догостро...
- Алло, міліція! Тут якийсь перевдягнений під дверима стовбичить. За дурників нас має чи що? Хоче, щоб двері відкрили. О! Стоп! Здається, трохи схожий на того, що по телевізору казали, ніби розшукується. Скільки за нього винагорода? Ей! Куди ти по-біг? Стій!..
- І лише в одній квартирі мене зустріли більш-менш гостинно.
- Зїйди на поверх нижче, а я поки склянку за двері виставлю. Та коли вип'єш, порожню тару біля дверей залиш. Чуєш?
- І не тільки чую... Бо з півгодини довелося переконувати свою дружину, що це не підозрілий Дїд Мороз, а я власною персоною повернувся із непевних заробітків...

СЛУГА НАРОДУ

- Тільки-но смеркати почало, аж баба Мотря на сусідський поріг.
- Чуєш, Мелашко, - озивається радісно, - було, було, а такого ще не було!
- Пенсію за три місяці наперед виплатили чи що? - лукаво зир-кнула на неї сусідка, витираючи руки передником. - Бо бачу, ти вся аж світишся. І електрики не треба. Почекай, вимкну...
- Тобі аби смїшки. А тут діло сурйозне, - таки вмостилася на за-пропонованому ослонці гостя. - Тут таке, що й справді, як каже мій середульший внук, «йокалемене!»
- Тю на тебе! - удавано відсахнулася від неї господарка хати. - Надивилися на старості літ отих песиголовців у тїлівізорі і верзеш проти ночі.
- Зачекай, що ти скажеш, як дізнаєшся!

І почала розповідати наступне...

- Зранку, я, значить, лише встигла Пірата прив'язати і курей відчинити, як біля двору спинилася машина. Така довга, чорна і лискуча, як новенький черевик. Виліз із неї нівроку пикатий пузань у гарному костюмі і сміло йде до двору, як до себе додому. І великий букет поперед себе несе. «Тут, - питає, - живе Вовчик Мотря Василівна?» «Аякже, - кажу, - тутечки. Оце я і є. А ви, звиняйте, - жартую собі, - часом не свататися оце з квітами приїхали? Так запізнилися...» Аж скривився він тоді. «Ні, бабо. Діло до вас маю. Давайте знайомитися. Я народний депутат такий-то - такий-то».

Еге, думаю. Дурить. Хіба я, голубе, депутатів не бачила й не знаю. Та вони без водія, охоронців та помічників і кроку не ступлять. А цей один, як палець. Може, загубився?

- Мо напився, що не збагне, де й опинився? - не витримала заінтригована баба Мелашка. - Пам'ятаю, під час виборів один із кандидатів ледве у мій колодязь не шубовснув. Таки встигли за ноги вхопили, а то б жаба цицьки дала... Точно!

- Зачекай! - відмахнулася він неї сусідка. - Ага... А документи є? - увічливо так питаю і вже подумую, як його, якщо доведеться, швидше Пірата відв'язати.

«Є!» - дістає він із кишені синю книжечку. Заглядаю, як сорока в кістку: точно депутат.

- А що? - тоді кажу. - Таки, мабуть, перевибори будуть, що ви оце навідалися... «Та ні, - нарешті посміхнувся і він. - По-перше, оце вам, - дає мені букет, - а по-друге, слухайте сюди». І починає розказувати. Мовляв, їх хракція тепер буде виконувати накази своїх виборців. Щоб не казали, що вони тільки обіцяти мастаки, а справді слуги народу. «Ану показуйте, що тут вам зробити. Можу город скопати чи що...» - серйозно пропонує.

Дивлюся, ніби й не п'яний. Та й ранувато ще. Однак щось мені, мало віриться...

... - Та ломаку б узяла і з двору - втришия цього слугу! - знову вихопилася сусідка.

- Цить! Ломакою, думаю собі, завжди встигну. А тут таке діло... Раз пропонує. Город, - тоді промовляю, - ще може почекати. Але для мужських рук робота в дворі знайдеться. Он дах на сарайчику треба підлатати і паркан підрівняти. Та й собашник пора полагодити. Бо вже мій Пірат, бідолаха, майже як отой бомж.

«Сарай так сарай, паркан так паркан, - погоджується пикатий. - Тільки ви, бабо, той. Не дуже поки комусь розповідайте про мене, бо це поки секрет хракції».

«Не буду, - заспокоюю його, - йди роби діло».

Пішов, швиденько перевдягнувся у такий-сякий одяг, що з собою привіз, і взявся за роботу. Виліз на дах сарайчика і загепав молотком. Правда, з незвички спершу влучав по пальцях і сичав, як гусак. Але нічого. Призвичаївся і відремонтував. А затим взявся за паркан і сьак-так вирівняв. Полагодив і собачу будку. А тоді знову своєї: «Давайте город скопаю». Диви, який землекоп, собі думаю, а вголос кажу: «Раз руки лопати просять, підрівняй мені яму для буряків, а тоді вже за город берись».

Бачу, очі в нього заблищали, як ніби я йому хтозна-що там запропонувала, і він майже побіг до бурякової ями. А потім і до городу допався. Причому копав, як той ес... еско... ексковатор! Хече, сопе, піт з нього котиться, а він вергає ту землю й вергає...

... - А ти й повірила! - сплеснула руками баба Мелашка. - Які там накази виборців. То вони в тому депутатському домі так з ума сходять. Аби схуднути на всіляких дієтах сидять та фізичною роботою займаються. Ото й до тебе такий забрів. Хіба не ясно?

- Дай вже доказати! Отож копає він собі та й копає. Навіть відпочивати забуває. Щось там сьорбнув із термоса і далі наліг на лопату. Пропонувала під'істи, так навідріз відмовився. Ну, копай, копай...

Накопався нарешті. Та й город закінчився. А він так розійшовся, що навіть трохи вже на твою ділянку вліз. Ледве спинила. «Що, оце все?» - трохи розчаровано питає. «Е, - кажу, - ще у мене клаптик під гарбузи, але він отамечки аж біля річки. Показати дорогу?» Та він чогось скис: «Ні, то вже якимось іншим разом». Походив ще трохи городом - любувався своєю роботою, а тоді перевдягнувся, у машину - і тільки смуга за ним лягла. Навіть не попрощався. Мо, образився? Бо треба ж було хоч гривень п'ять дати за труди...

...- Я б йому дала! Ти знаєш, яка в нього платня!?? Та він за день отримує, скільки ти за місяць! - аж підскочила сусідка.

- Ти слухай далі, - чогось глибоко зітхнула баба Мотря. - Це ще не все. Бо оце вже майже надвечір до мене знову гість у двір. І хто б ти думала? Голова сільради. Я вже й забула, який він е... Ага. Зайшов і з порогу: «А що це у вас, бабо, за гість сьогодні побував?». Біс його зна, що казати. «Та, - відповідаю, - мій двір, мій і

гість... А що?» «О! - підняв він палець догори. - Правильно кажете!» А далі розповів, тільки ти ж нікому-нікому, ось що. Вони там у отому парламенті справді казяться бозна-як. Ото мого взяли й піддурили. Підказали, що його недруги на могому городі зарили якийсь там на нього копр... корп... тьху!.. ком-промат. Я, звісно, обурилася, чому саме на могому і без мого спросу. Та голова за-спокоев - хтось наосліп тицьнув пальцем у карту району і влучив у мій двір. І ще дуже попрохав, аби я нікому-нікому не розказувала про це. А як питатимуть, хто город скопав, казати, що племінник чи ще там хтось. А взамін мені, тільки ж ти нікому, за мовчання прибавку до пенсії обіцяли. Дадуть?

- Як доженуть, то й дадуть! - сердито буркнула баба Мелашка. - Вони ще з твоєї пенсії знімуть дещицю! Бо хіба отой пузатий даром ремонтував собашник і город копав?

Вона насупилася і схопила відро - давала зрозуміти, що пора вправлятися і розмова закінчена. Мабуть, переживала, що отой керівний палець не втрапив на карті району в її двір і не до неї завітав «слуга народу».

С-С-С-ВЯТКУВАЛИ!..

(Спогади про свято на «С»)

Світає.

-Сьогодні свято! - сказав спозаранку своїй Степаниді.

Супиться.

-Скільки, сатанюко, стаканів сивухи смиконеш? - саркастично спитала.

-Секрет, - серйозно свідчу.

Сиджу сам-самісінький. Сновигаю світлицею. Слухаю сварливу Степаниду. Самозаспокоююсь.

Скавучання Сірка. Стук-стук-стук! Скрип... Суне свояк Сава. Свіжоголений. Світиться семафором.

-Салют, старий! Сердитесь сеньйорита? - самовпевнено сміється. - Стели самобранку. Став, скупердяй, самовар, сулію, склянки, салат, солонину.

-Секунду!

Слухаюсь свояка - спішно стелю, ставлю. Словом, сервірую стіл.

Сіли.
 -Сип!
 -Скільки?
 -Сто
 п'ятдесят.
 Сьорбнули.
 -Сила!
 скрикнув Сава.
 Смакуємо
 сало.
 -Сам со-
 лив? - сопе
 свояк.
 -Само со-
 бою...

Сидимо.

Святкуємо. Спілкуємося.

-Слухай, - скоромовкою Сава. - Спрага! Сип скоріше самогону!

Скуштували

-Сорокоградусна? - стрепенувся спантеличений свояк. - Свис-тиш!

Стемніло. Сміливішаємо. Співаємо «Стожари».

-Собацюри! - спалахує Степанида.

-С-с-с-с-ип! - смикається сп'янілий Сава.

-Смоли! - Степанида сердито.

Свояк силоміць ставить склянку. Старається стати. «Стіна!» - сіп-нувся. Спітнівши, спирається спиною. Схибив. Сів сідницями. Ско-цюрбився. «Споїли!» - сплакнав.

-Свині! Схаменіться! Схоплю сковорідку! - страхає Степанида.

Ситуація! Споганив свояк свято...

Сава спинається. Стомлено: «Спати...» Спіткнувся. «Слизько...» - сонно скривився. Скрутився. Сопе.

-Слабак! - сміюся. - Слив'янки сипати?

-Скуштуєш стусанів! - сичить Степанида. - Стелися спати...

Сплю. Сниться сухоребрый свояк Сава. Стоїть стовпом. Спанте-лично схлипує: «Скандал!..»

Смішно? Спробуйте собі.

Анатолий НАУМОВ, 1938 г.р., г.Красный
Лиман. Прозаик, драматург, сатирик, юморист. Окончил До-
нецкий техникум культработников и факультет журналистики
Московского университета. Работал в газетах, корреспондентом
журнала «Перець» по Донбассу. Автор многочисленных сборни-
ков юмора и сатиры. Член НСНУ с 1983 г.

*

А птица счастья завтрашнего дня к соседу залетела в клетку.

*

Твои года - твоё богатство. Особенно, когда и сбережений нет.

*

Я люблю тебя до слёз!.. А как ты думала - до чьих?

*

Тебя я в кинозале закадрил.

*

Да предложил хотя бы руку, коль нету сердца у тебя!

*

Влюбилась по уши? А я по пояс.

*

Дошёл до ручки, добираясь к ножке.

*

Я так пред вами преклонялся, что прихватил радикулит.

*

Твоя любовь была слепа? А вот куда мои глаза смотрели!?

*

Я по твоим губам читаю «да», но вот в глазах - другая сумма.

*

А мантия к тебе вполне к лицу, если учесть, как судишь обо мне.

*

Глаза б не видели твоих достоинств!

*

Тебе опять, родная, сорок пять? А с виду те же сорок и четыре.

*

Открыла сердце мне? Но это ж бюст, подруга!

*

О как недолго, к сожаленью, ты легкомысленной была!

*

Я - сын полка, ты - дочь дивизии... А чья же армия детей?

*

Медведь же с виду, а свинья свиньёй!

*

-Потому что нельзя быть красивой такой, - сказал хирург, перчатки надевая.

*

«На вернисаже как-то раз»... А сколько раз вне вернисажа?

*

Признаться, я в стихах хотел тебя хореом, но ты вдруг ямбом захотела.

*

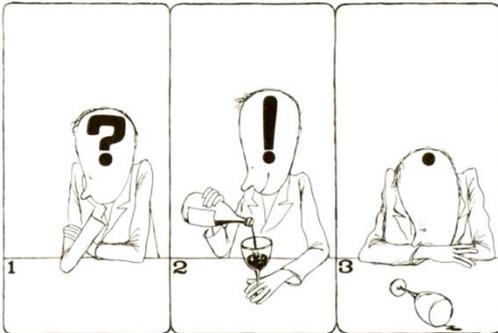
Так графоманит по утрам, -- в литконсультацию пора!

*

Восьмая у меня ты, и как раз - Восьмого марта.

*

Зайчишка захмелел, попутав свою дозу с лошадиной.

Дошел до точки

Николай ПЕРЕЯСЛОВ, 1954 г. р., Красноармейск, Донецкая обл. Окончил Литинститут им. А.М.Торького. Автор поэтических, литературоведческих, прозаической книг. Печатался в журналах "Москва", "Октябрь", "Донбасс", "Простор" (Алма-Ата), "Витязна" (Киев), "Березиль" (Харьков), "Север" и других. Постоянный автор критических рубрик и обзоров в газетах "День литературы", "Литературная газета", "Российский писатель" и других. Член Союза писателей России. Член Петровской Академии наук и искусств. Секретарь Правления Союза писателей России. Член Президиума Литературного фонда России. Лауреат Шолоховской премии 2000 года.

ДОМ НА ОЗЕРЕ ВАЛДАЙ

Ироническая поэма

Олег Митрофаныч Бавыкин
купил себе домик в селе,
посколь еще с детства привык он
бывать на Валдайской земле.

Олег Митрофаныч Бавыкин
от радости был сам не свой,
да вышла одна закавыка:
в том доме — живёт домовой!

Зовут его люди Степаном,
и если внимать их речам —
прослыл он ужасным смутьяном,
мешая всем спать по ночам.

Едва обитатели дома
прилягут — как он начеку:
свой шаг отбивая весомо,
гуляет там по чердаку.

То прыгать начнет, то грохочет
железом в трубу, осердясь.
До света уняться не хочет,
угроз и молитв не боясь.

Пхоже, что раньше привык он
хозяев вот так прогонять...
Но скроен иначе Бавыкин —
не хочет свой дом покидать!

Опять и опять Митрофаныч
спешит на любимый Валдай,
натопит там баньку дровами
и просит: "Поддай да поддай!"

Натащит друзей из столицы,
горланят стихи до утра,
а утром — спешат похмелиться
(посколь перебрали вчера).

Ребята-то едут лихие —
Артемов, Дементьев и проч.,
напарятся — и о России
орут, чем ей, бедной, помочь.

Всю ночь!.. Только хруст огуречный
да маты летят на чердак.
И Гоголя вспомнят, конечно,
и Горького... "Мать" его, так.

Ну как не запить тут Степану?
И как-то — прокрался он вниз,
хлебнул полстакана... и спяну —
потом на стропилах повис.

Три дня там болтался, как ветошь,
а, снявшись с гвоздя, дал зарок,
сказав себе твердое: "Нет уж,
запомню урок этот впрок!"

И впредь — лишь Бавыкина “Волга”
появится вдруг вдалеке,
он прячется в угол и долго
сидит на своем чердаке.

А в доме Олег Митрофаныч
опять принимает гостей,
и снова гремит самоваром,
и льется вино всех мастей...

Такой вот рассказец. Хоть выкинь —
а я не приврал ни словца.
Иначе зачем бы Бавыкин
гонял на Валдай без конца?

Эльвира ЖЕЛЕЗНОВА, г. Алачевск, врач (терапевт, рентгенолог – Донецкий мединститут, выпуск 1962 года). Первые стихи написаны в 1998 г. Печатались в местных и областных газетах, в девяти сборниках. Дипломант восьми областных творческих фестивалей «Великая степь». Член Межрегионального союза писателей Украины.

ИДОЛ 2000

Все восприняли как данность
Виртуальную реальность.
Век компьютера настал,
Ящик стал на пьедестал.
Никуда не выхожу -
В интернете я сижу,
Повышаю интеллект,
Щас важнее дела нет.
Всё компьютер нынче знает,
На вопросы отвечает:
Что по чём и где, и как?
Наш компьютер - не дурак.
Если что-то не решу,
Я к компьютеру спешу.
Не сушу теперь мозги:
Друг-компьютер, помоги!
Тут же он ответ даёт,
Ни за что не подведёт.
Разгадать ему не труд,
Где зарыт собаки труп.
Мир реальный - как чужой,
Пусть проходит стороной!
В "паутине" я женат,
Сам себе - и кум, и сват.
Злится прадед: "Это ж нать?
Жизнь фантомом подменять!
Ох! Разучитесь, блин, думать
И решенья принимать!"

РЕЦЕПТ

День ненастный, стылый,
Дождь стучит в окно.
Снова быт постылый
Затянул на дно.
Улетела Муза
В тёплые края,
Суета-обуза
Оплела меня.
Головой качает
Тополь: "Грусть без Муз?.."
И в окно бросает
Свой козырный туз
"Что? сидишь на мели?
Снова хочешь лечь?
Ты же - не Емеля
И кровать - не печь.
Позабыла темень,
Истину? Беда!
Под лежачий камень
Не течёт вода.
Это только в сказках
Лодырям везёт.
Тот с горы - в салазках,
Кто их вверх везёт.
От забот нет спаса?
Плечики расправь,
Запряги Пегаса,
Не ленись и правь.
Знает он дорогу
Прямо на Парнас.
Лучшая подмога
От хандры - Пегас".

ДРУГУ

Ты терпеливо ждешь меня с работы,
Готовый грудь подставить и плечо.
К утру поможешь разгрузить заботы,
Сомнения развеешь. Что ещё?..

От боли, от обид и неприятья
В тебя бросаюсь, падая ничком,
И зарываюсь в мягкие объятия.
Усталость - прочь, и беды - нипочём.

С годами наша дружба всё теснее.
Теперь уже не дружба, а роман.
Ты - всех надёжней (ясного яснее) -
Четвероногий старый друг... диван...

Евгения ПЕРЕЯТЯЯ-БАВЕНКО, родилась 1 апреля 1944 г. в г.Перевальск, Луганская обл. Лауреат нескольких поэтических фестивалей. Победитель районного конкурса "Мелодии родного края", "Поэт года" среди членов литературно - музыкального клуба Вдохновение. Премия Межрегионального союза писателей Украины им. О.Бишарева, диплом "За большой вклад в укрепление духовного единства России и Украины", 2008 г.

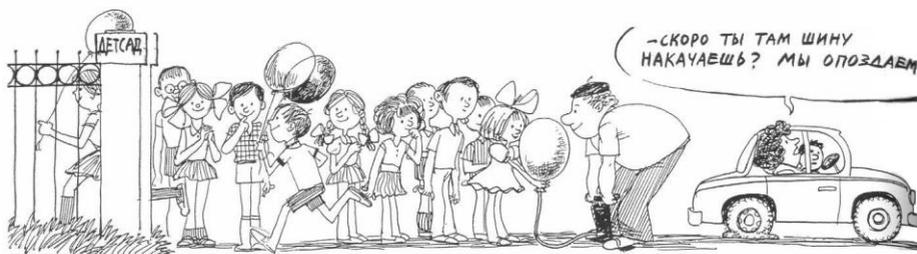
КАК ЖЕ БУДУ ПРЫГАТЬ Я?

Утомилась наша Оля -
Три часа за партой в школе!
Умноженье и деленье...
Всё ученье да ученье.
Только кончились уроки -
Первоклашки, как сороки!
Их встречают папы, мамы,
Дом родной, как мёдом, манит!
Дома можно всласть резвиться,
Быть свободною, как птица.
Покататься на качели,
И еще на карусели...
Оля бегала вприпрыжку -
Невзначай набила шишку.
А полезла на скамейку -
И ударилась коленкой.
Что найдешь в телеэкране,
Лучше прыгать на диване -
И, как перышко, легка
Вверх летит до потолка!
На пороге встала мама,
Изменилась с виду прямо,
И, нахмурясь, помрачнела:

- Это кто такой здесь смелый?!
Выскочат же все пружины!
Оленька летит с вершины:
- Все пружины! Из меня?
Как же буду прыгать я?!

ЗАЙЧИК-ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Спят лесные зверюшки и птицы.
Медвежата, бельчата, ежи...
Одному лишь зайчишке не спится -
Он в постельке своей не лежит.
-Что случилось с зайчонком, о Боже! -
Заяц-папа несется к врачу.
И зайчиха волнуется тоже,
Зажигая в тревоге свечу.
И ни ночью, ни днем нет покоя,
Не пугает ни дождь, ни гроза,
Планов столько, что нету отбоя!
Зайчик с неба не сводит глаза.
Взял морковь и представил ракету,
На пенёчек зайчишка присел,
Выбирая объектом планету -
С громким хрустом "ракету" он... съел!

Валентина ЗЯМОШНИКОВА, 1940 г.р.,
Алчевск. Автор сборников стихов «Всплеск души», «Повороты судьбы», участница коллективных сборников, член городского литературно-музыкального клуба «Вдохновение». Участница конкурса «Вдохновение не знает границ», проходившего в Италии, стихи вошли в итоговый сборник конкурса.

ЕЩЁ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

А меня в мои 70 лет
Полюбил - прямо сердцем прирос -
Самый модный и юный корнет
Под красивым названьем «склероз».

Я могла бы его отослать
Так далеке - отсель не видать...
Но пришли мы с ним к выводу оба,
Что любовь эта будет до гроба!

Елена ОСМИНКИНА, 1962 г.р., г. Симферополь.

Образование высшее, филологическое. Поэт, журналист, член Союза русских, украинских и белорусских писателей, член Союза писателей России, член НСЖУ. Лауреат международных поэтических фестивалей "Пристань менестрелей", "Чеховская осень", дипломант Международного Тумилевского фестиваля "Коктебельская весна". Публиковалась в периодике, в литературно-художественных альманахах, журналах. Автор поэтических сборников «Зеркало души», «Уроки доброй сказки», «Счастливый берег», «Удержат в ладонях жизнь...»

СТОЛ И ТАБУРЕТКА

К Столу под села Табуретка:

- Я вижу хмурым вас нередко.

Что за беда? Скажите прямо,
Какая в вашей жизни драма?

- Обидно: жизнь пройдет на кухне.

Здесь простою, пока не рухнет

Моя последняя надежда -

Увидеть океан безбрежный,

В котором, верю, жизнь прекрасна,

Полна страстей и тайн опасных!

- Глупец, - решила Табуретка. -

Что океан?! Да вон соседка

Кушетка, что живет в гостиной,

Делилась: в рамочке старинной -

Пейзаж морской. Какая скука!

А Стол-мечтатель - просто бука.

Моря страстей и тайн опасных

На нашей кухне! Это ж ясно.

Кто устремлен к мечте и свету,

А кто - подобен табурету.

КТО ГЛАВНЕЕ?

Скрипка и Смычок всегда в ладу,
Но досадно стало как-то Скрипке,
И она решила на беду,
Что успех обоих – по ошибке.

Извлекает из своих глубин
Лишь она чарующие звуки.
А зачем Смычок? Пускай один,
Без дуэта, проживет в разлуке.

Вмиг оценит, кто из них главней,
И поймет, конечно, на досуге:
Красота, таланты только в ней...
Нет Смычка. Куда же делись звуки?!

Ценен каждый – вот и весь секрет,
Потому и был хорош дуэт.

С амуром кончен поединок:
Влюбился в Туфельку Ботинок,
Но мало шансов у бедняги
В такой любовной передраге:

Она в журналах светских даже.
На вечеринках, вернисаже –
В метро, автобусе, в дороге
Мечтает он о недотроге.

Хоть крепко сшит – топорно скроен,
Изящной туфли недостоин –
Таков вердикт ее тусовки.
Но, впрочем, званье полукровки

Забыто будет, если сможет
В машинах ездить подороже,

Кольцо подарит с жемчугами
Любимой Туфелькиной маме...

Душа и чувства не в почете
При голом денежном расчете.

ПРИЩЕПКА

Прижимистый и цепкий
Характер у Прищепки:
Впились в чужие вещи
Не ручки - просто клещи.
Запомнить стоит крепко:
Не будьте, как прищепка.

СКАЗКА О ЯБЛОКЕ

Родилось у Яблони дитя,
Был малыш пригож, зеленоглаз.
Все твердили, будто бы шутя:
«Будет самым умным среди нас».

Быстро плод на ветке подрастал,
Зрел в лучах заботы и любви -
Пухлость щек сменилась на овал,
Обращалась мать к нему на «вы»

Яблоком румяным вызрел он,
С нетерпеньем ждал в саду народ:
«Ну, когда ж блеснет своим умом,
Вмиг прославив яблоневый род?»

Время ускоряло жизни бег,
И уже летело, как стрела.
Плод старел, желтел и прожил век,
Полное молчание храня.

В страхе жил, боясь прослыть глупцом,
Остудить чужой надежды пыл.
Выглядеть старался мудрецом,
Хоть обычным Яблоком он был.

Близким жизнь не стоит усложнять:
«Гениев в роду не перечесать!»
Важно и любить, и принимать
Каждого таким, каков он есть.

ДЕЛОВАЯ ЛЕДИ

Пантера привыкла к достатку:
Известна вокруг ее хватка.
Ум, ловкость, природный размах -
На службе всех держит в руках.

Воспитывать следует дочку,
Охотиться лишь в одиночку -
Хозяйка Пантера опять
Старается всем управлять...

И в кресле служебном, и в доме
Ей так одиноко на троне:
Пантеры-самцы не хотят
Быть в роли домашних котят.

Лариса АФАНАСЬЕВА, г.Белогорск, АР Крым.

Автор сборника стихов «Написалось, как спелось...». Член НСЛУ, КЛУ, Всеукраинского Союза писателей-маринистов. Лауреат международных фестивалей «Боспорские агоны», «Пристань менестрелей», Всеукраинского песенно-поэтического турнира «Рыцари слова». Печаталась в газетах и журналах Крыма, в сборниках «Вдохновение», «Крымские литературные встречи», в альманахе «Россыти», в журнале «Алые паруса».

9 МАРТА

мини-триптих

1

Может, сгоняешь за пивом, любимая?
Будешь любимой до самого вечера,
После поссоримся: пить больше нечего...

2

В доме моём неуютно и пусто,
Мышка к чужому ушла холодильнику.
Стрелки лениво плывут по будильнику.
Март.

Межсезонье.

Подснежники.

Грустно.

3

9 марта. Уже позади
Цветы и влюблённые речи.
Щемит послевкусие стыло в груди,
А время не лечит. Не лечит...

А мужичонки с бодуна - с приветом,
Роняют слюнки, глядя выше ног:
- Я так хотел вот эту, эту, эту...
Я так хотел!.. Хотел бы...
Но - не мог!..

ИРОНИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

*с одним самоубийством
и покушением на убийство*

Самоубийцей с крыши снег летел
Плашмя на землю, вдребезги и в клочья.
Он долго собирался этой ночью
И строил планы. Но его удел
Решил рассвет. Как выстрел, первый луч
Прорвал зимы настёрной окруженьё.
И, не сдержав по шиферу скольженья,
Снег рухнул вниз с пятиэтажных круч,
Чуть не убив апрельского кота,
Гулявшего по мартовской привычке.
Тот заорал. Вспорхнули с веток птички,
И... потекла мирская суета.
А снег лежал, и таял, и молчал,
Растоптанный бродячею собакой.
О белизне его никто не плакал -
Тепла хотелось, ведь апрель стоял!

КАБЛУЧКИ

У женщин каблучки должны стучать,
Но в ритме вальса, а не в темпе скачек.
Ещё должны быть счастье и удача,
Чтоб доброту могли мы излучать.
Чтобы с достоинством по жизни шли,
А не тащились в очереди вьючной,
Морщинами забот свой лоб измучив:

Одеть, обусть, достать из-под земли
Убогий корм для чад и домочадцев
И до зарплаты сохнуть на мели.
Ах, если б только женщины могли
Хоть каблучком к кому-то достучаться!

КРЫМСКОЕ ЛЕТО

Сравнились
 температуры
 тела и улицы.
Жара
 наступает упрямо.
 Она несносна –
Похлеще фильмов
 Тарковского
 и Кустурицы
Перетирает
 в пыль
 остатки
 мыслей и мозга,
Переплавляет
 потоки асфальта
 в озёра.
Уныло
 плывут машины –
 их шины варятся.
Хочется
 занырнуть
 в предельно тёплое море,
В минимум
 двадцать восемь
 по Цельсию
 градусов.

Владимир ЛЯРЦОНОВ, 1948 г.р., Ирбит,
Свердловская обл., живёт в Судак. Моряк-спасатель. Ветеран
ЭПРОНа СССР. Ветеран ММФ. Генерал-майор международ-
ного Вольного казачества. Член КЛУ, Всеукраинского Союза
писателей-маринистов. Лауреат и дипломант Международных
поэтических фестивалей: «Пристань Менестрелей – 2010», 1-го
Всеукраинского песенно-поэтического турнира «Рыцари слова»,
«Казантип поэтический», «Ялос», «Пристань менестрелей 2012»,
«Гринландия – 2012».

ГЛУБИНКА

*Я уеду, пожалуй, в глубинку,
Где ни зависти нет, ни вранья...
Сергей Овчаренко*

Я приехал в глубинку однажды,
Где девчонок одних полсела.
Целовался при встрече я с каждой,
А Варюха в стога увела.
В полуночной истоме степенно
Освещала округу луна.
Нас дурманило пряное сено
И невольню сводило с ума...
На пруду приоткрылись кувшинки,
И твердит лягушачья молва,
Что всю ночь нас искали здесь Нинка,
Зойка, Верка и все полсела.
...В волосах у Варюхи травинки,
И завидуют девки не зря,
А Иван, вот мужик, по старинке
На меня долго пялил глаза.
Рву тельняшку, что жизни дороже,
По морям свой закончил поход,
Но она отпечаталась в коже,
Знает это весь женский народ.
По понятиям с Ваней братались,
На рыбалку сходили вдвоём.

Мужичков в той глубинке осталось
Только он да ещё водоём.
Износился наш Ваня с годами...
Девки голыми валяются в пруд,
Он к такой посылает их маме,
Ну, а годы у девок идут...
В аромате душистого хмеля
И в экстриме здесь жизнь проведу.
Да, отныне, братишки, я верю:
Всюду страсть полосатую ждут!

Дед ковыляет тихо по дорожке,
Перед собою палочкой стучит,
И ждёт его подружка на порожке,
На солнце улыбается... Молчит...
Грачи шагают важно по канаве,
Журчит ручей невидимый в снегу,
А дед спешит к своей любимой Клаве -
Сегодня легче, чем зимой в пургу...
Торчит букет мимозы из кармана,
Неважно, что состарился бушлат.
Несёт любовь бродягу-моремана,
На парусах - невидимо заплат.
А солнце нынче так упрямо греет,
Сосульки сталактитами висят.
Наш дед с минутой каждой молодеет:
Двадцатку скинет - будет шестьдесят...

ГОЛЫЙ ПЛЯЖ

Аквамарин воды струился
Вдоль бёдер, рук и по груди -
И небо бирюзовым ситцем,
И алый парус впереди...
И на песочек безмятежно
Ты обнажённая легла,

Ласкало солнце кожу нежно.
Амур расправил два крыла...
К тебе подсел пригожий мачо -
Шутлив, галантен и остёр,
С тобою вёл себя иначе,
Чем твой заштатный ухажёр.
Блуждая взглядом по изгибам,
Тебя в смущение вводил,
Но никакого перегиба -
Предупредителен и мил.
Где покраснело - маслом смазал,
Потом мускатом напоил
И, чтобы кто-нибудь не сглазил,
Под зонтик пляжный уложил.
От моря веяло покоем.
Плясали зайчики в волне.
Угар полуденного зноя
Дремал на выжженном холме.
...Закат угас, ночь опрокинув,
Как блюдце кобальта, с горы,
И покрывало звёзд накинул
На пляж, на море - до поры.
Под утро алый парус зорьки
Раздвинул шторы у небес,
Спал белый месяц на пригорке -
А мачо попросту исчез...

Галина ЯКОВЛЕВА, 1936 г.р., Смоленская обл., живёт в Феодосии. Председатель феодосийского лито «Киммерия». Лауреат многих Крымских фестивалей. Член Союза русских, украинских и белорусских писателей Крыма, Союза русских писателей восточного Крыма, КЛУ. Автор 9 поэтических сборников.

О СКЛЕРОЗЕ НА ТРОИХ

В зрелые годы одна из угроз -
Непобедимый и мерзкий склероз.

Две ветхих старушки решили подружку
Вечерней порой навестить,
И кофе душистого выпить по кружке,
И вдоволь с ней поговорить.

Хозяйка щедра, весела, хлебосольна.
Чтоб главное не упустить,
Записку себе прикрепляет над столиком:
«О кофе гостям не забыть!»

Был вечер хорош: то да сё, разговоры.
Уж выпит весь кофе давно.
Хозяйка на кухню идет. Цепким взором
Читает записку. «Давно

Такой не знавала я горькой промашки!»
Вновь кофе струит аромат!
И вновь на подносе красивых три чашки.
Пьют гости и благодарят.

Но снова хозяйка читает про кофе.
И чести чтоб не уронить,
О гостях своих проявляя заботу,
Торопится кофе сварить.

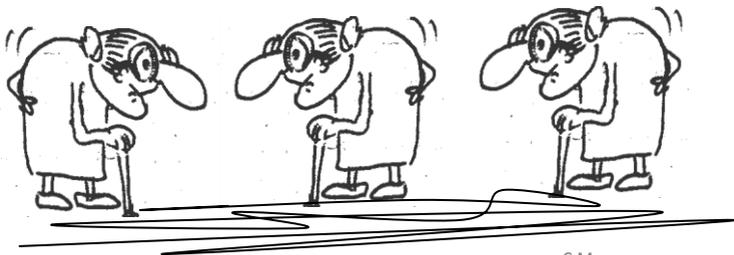
Уже за окном опускается вечер.
Подругам пора по домам.
Выходят - и странные слышатся речи:
«Ну, Марья Ивановна! Нам

Ни чашечки кофе, ни доброго слова!
За что же такую любить?
Не скоро с тобой здесь появимся снова,
Обиду не просто простить!»

Вторая сказала с улыбкой печальной,
За вздохом скрывая тоску:
«Давно не видала я Марью Ивановну!
Тора с ней попить кофейку!»

А рядом знакомый подъезд! И подруги
Находят желанный звонок.
И Марья Ивановна с легким испугом
Выходит к гостям на порог.

«Кто там? Боже мой, вот неожиданная встреча!
Не виделись мы столько лет!»
И всё повторилось: и кофе, и вечер,
И весь этот старческий бред!

С.М.

Сергей ДУБОВИК, 36 лет. Родился и живёт в Санкт-Петербурге. По образованию – инженер-конструктор. Возглавлял маркетинг, продажи и закупки в 4 крупных российских холдингах. Мастер практического тренинга. Йо-хо-хокку – хобби, которому отданы несколько лет жизни и килограммы исписанных черновиков. Публикации в «Литературной газете», «АиФ», «Cosmopolitan».

ЙО-ХО-ХОККУ

* * *

Чтобы было похоже на правду
Приходилось в свои йо-хо-хокки
Добавлять порядочно лжи.

* * *

Покойтесь с миром, или
Мы вернём вам деньги.
Обещал пенсионный фонд.

* * *

Если вернувшись из бани
Муж в душ первым делом идёт,
Значит что то нечисто.

* * *

Ничего не выйдет из Вас!
Последнее, что поможет
Курага или может быть чернослив!

* * *

С пальто и шляпы
Счищаю приметы весны -
Грачи прилетели.

* * *

Смотрю, настроение хорошее?
И искра в глазах появилась.
Снова мозг коротит?

* * *

«Кто ж тебя за язык-то тянул?» -
Сокрушается архимандрит,
На колокол глядя разбитый.

* * *

Минимум два пути предлагала
В каждой проблеме судьба -
Брюхом наверх, или ногами вперед.

* * *

- Ну, дурак же ты!
- А ты - то, чем тебя
За глаза называют!

* * *

Секретарша сегодня такую
Короткую юбку одела,
Лица было не видно.

* * *

Час назад предлагала чай,
А уже предлагает постель...
Нравятся мне проводницы!

* * *

На охоте медведя встретил.
Теперь хожу только на утку,
Что медсестра приносит.

«Трость забрать»

Найден в кафе дипломат.
Без денег и документов
Лежал под столом, пьяный в хлам.

* * *

После шестого развода
Твердо решил, супругу
Выбирать буду методом тыка.

* * *

Отдав свой голос за них,
Вы остались без голоса,
А теперь и без слова.

* * *

Жена бесконечно может
Смотреть на три вещи.
А в итоге купить семь.

* * *

- Ты как шампанское, дорогая!
- Сладкая и игристая?
- Не затыкаешься ни фрига!

* * *

Бережно грабли кладу
Перед дверью соседа.
Ошибкам учиться хочу.

* * *

Когда денег было полно,
Кого угодно мог убедить,
Что счастье не в них.

* * *

Больше всего я люблю
Скромных, застенчивых женщин,
Что сразу тащат в постель.

* * *

По отдельности каждый из вас -
Ломкий и хрупкий прутик.
И лишь вместе вам быть метлою поганой.

* * *

Один ум - хорошо
Два - отлично
Восемь - палата.

* * *

О богатстве Богу молюсь.
Наконец-то меня услышал...
Твердо ответил: «Нет».

* * *

Велики у страха глаза,
Потливы ладони,
Штаны тяжелы.

Без повода...

...Жене букет подарил.
В итоге, весь вечер и утро
Пришлось ей в верности клясться.

* * *

Завтрак принес ей в постель.
Все с удовольствием съела,
Кроме рульки, борща и котлет.

Аннит АГАВЕКЯН, 1987 г.р., г. Ереван, Армения. С 1989 г. живёт в Украине, Донецк. Окончила ДНТУ, факультет экономики, работает по специальности. Участница и лауреат поэтических фестивалей «Рыцари слова», «Город Дружбы приглашает», «Время Выбора – 2012», «Cambala», «Великий шёлковый АнТ-Р-Акт – 2012», публиковалась в коллективных сборниках.

САМОИРОНИЯ

*Посмеяться над собой – значит,
лишить этой возможности других.*

Алексей Иванов

Как жаль, что я – флегматик,
в гостях – спокоен, тих,
беспечно ем салатик,
взирая на других.
Сангвиники – в ударе,
эх, мне бы их задор,
плясал бы с кем-то в паре,
горланил на весь двор.
Холерикам нет равных
и в шутках, и в питье,
и в конкурсах забавных
они на высоте.
Вот был бы я холерик
(у них в крови – тротил!)
и куму без полемик
затрещину б вклепил.
А так, сижу в сторонке,
молчу себе, жую...
В застольной шумной гонке
я в запасном строю...
Зато не алкоголик,
не кислый, как кизил,
а был бы меланхолик –
и в гости б не ходил!

О ЖАЖДЕ ВНИМАНИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯХ

(шутка от первого лица)

Сию в квартире, словно джин в бутылке,
куда все подевались - не пойму,
от безысходности чешу в затылке:
неужто я не нужен никому?
Такой расклад я, братцы, не приемлю,
не дам себя оставить за бортом,
ей-богу, буду грызть зубами землю,
внимания добьюсь любым путем.
Быть на устах у всех и повсеместно -
и что тут долго думать - вот мой план,
теперь-то мне доподлинно известно,
зачем стреляла в Ленина Каплан.
С чего начать - проблема не из легких,
но я решил... и позвонил «ноль-два»,
сказал, что стал свидетелем «разборки»
и в перестрелке не погиб едва.
В налоговой я обивал пороги
и в кабинетах, брызгая слюной,
всех убеждал, что не платил налоги,
(хоть я безгрешен перед Госказной).
На красный свет перебежал дорогу
под носом у инспекторов ГАИ,
но без толку, лишь подвернул я ногу,
«А шли бы вы...» - сказали мне врачи.
И я пошел... в редакцию газеты
сказать, что обнаружил космодром
и видел корабли с другой планеты,
но получил совет сходить в дурдом.
Мир вновь знобит от кризисов и спадов,
жить на одну зарплату - это риск,
решил я требовать возврата вкладов,
но суд не принял к рассмотренью иск.
Так вот она - хваленая свобода!
Дождались? Собирайте же плоды:
нет дела никому до нужд народа,
мы даже государству не нужны!

Но нет! Наверно я погорячился:
в налоговую вызвали меня,
внимания я все-таки добился -
мне штраф за что-то светит и пеня...

СПАСИТЕ ЛИЧНОСТЬ

В потоке серых, мало чем приметных дней
рутина планомерно губит личность:
уже ни в ком не повторится Фарадей,
и Моцарт не появится вторично.

Товсюду, от Камчатки до подножья Анд,
безбожно правит суета, морока,
и потому так и не понятый талант
уходит насовсем, в мгновенье ока.

Гнетет тревожных мыслей вязкая нуга:
обыденность похлеще всякой хунты,
а против тихого, незримого врага
напрасны революции и бунты.

И смысла нет поставить жизнь свою на кон,
ведь ставка не оправдана любая -
во мне давно уже погиб Наполеон,
теперь вот Достоевский погибает.

Однако разум не сдастся - хоть убей,
диктует непосильную задачу:
спасти хотя бы Маяковского в себе
и доказать, что, мол, чего-то значу...

Александр КУРЯТЦЕВ, родился в 1981 г. в городе Артёмово города Дзержинска. Сейчас проживает в пгт. Старобешеве, работает электросварщиком на Старобешевской ТЭС. Пишет стихи, песни, рассказы, играет и поёт в рок-группе «Триптиха» (Дзержинск). Член КЛУ, МСТУ, сетевого лито «Стражи Весны». Дипломант и победитель многих литературных фестивалей, конкурсов и фестивалей авторской песни. Автор поэтического сборника «Лоскуты».

Народ нарывается на радость,
Радость рвётся к народу.
Сегодня Верховную Раду
Били в греховную морду!

Пояс верности не в моде -
Не гламурен видом.
Афродита нынче ходит
В поясе шахида.

Проснулся утром, где и с кем - не помню.
В башке грохочут швабры, утюги -
Вчера на презентации запоем
Читал какие-то палёные стихи.

Поэт напился хмельных стихов
И в вырезатель попал,
Выбили там из него ногой
Стихотворный запал.
Долго возили по полу мордой,
Летела из поэта труха.
Лучше пей Уголовный Кодекс
И позабудь о стихах.

Тучи в небе разгоняя,
Раскалённый, как софит,
Над Чернобылем сияет
Шестикрылый серафим.
 То ли бес наводит порчу,
 То ли скис российский газ,
 Но икона мироточит
 Нефтью из дырявых глаз.

Мы наденем кацавейки,
Мы напьёмся кисляка
И поднимем веки веку,
Захиревшему в веках.
 Или двинем в эмигранты.
 Пейсья, пёсья наша крив,
 Нам курлыкают куранты,
 И картавит старьёй Кремль.

В голове летят настройки,
Перья крошатся из крыл,
И горбатится на стройке
Гастарбайтер Гавриил.

ЧЕМЕРГЕС-БОГАТЫРЬ

В кошельке кошмар копошится,
Имя ему – медный алтын.
Вынырнет из грозной водицы
Грозный Чемергес-богатырь.

Подмигнёт угодливо глазом,
Принимай в себя меня, брат,
Разевай-ка рот свой и разум,
Будем пировать-горевать.

Знают и мордва, и татары –
Горек Карачун-молочай,
Выпустил поганца из тары –
Скучно голове на плечах.

Поцелуем крепким осушит,
Расплескает пламя в груди,
Закоптит, запачкает душу,
Наплюёт, сомнёт, наследит.

Угомона нет и управы
Нет на удальца-молодца,
Въелся в кровь зелёной отравой,
Бродит, верховодит, как царь.

Белой векшей борзой, хвостатой
Враз туман наводит и дурь,
И страшней того супостата -
Только Злой Могучий Бодун.

ПРОЛЕТАРСКИЕ ХРОНИКИ

В моей спецодежде живёт таракан,
Его называют Саша,
Что плохо лежит - прибирает к рукам,
Которые вечно в саже.

Работу работает вместо меня,
И даже ругается матом.
Его наблюдаю я день ото дня,
Получаю его зарплату.

Пуускай себе ползает, он же не клещ,
На сколько его там хватит,
Смущает меня одна только вещь -
Ему очень мало платят.

Рабочий рыбачит, когда не работает,
Спиртное херячит, буянит, бузит,
Грызётся, грозит или грезит работою,
Рыбалкой и водкой, борзеет, дерзит.
Я стану рабочим, не буду разборчивым,
А буду работать, рыбачить, роптать,

Раскованный, русский, бухой, разговорчивый,
Рискованный, в резвых дырявых лаптях.

Сварщик, завари мне чаю
Или лучше двери завари,
Чтоб начальство долго в них стучало,
Много обещало,
Всё прощало,
Через щель хватая сухари.

Блаженство и нега сладчайшая,
Сплошных удовольствий поток -
Под носом у злого начальника
Всхрапнуть на работе часок.
Используй рабочее время,
Здоровье дороже, - халтурь,
И пусть тебе выдадут премию
За твой добросовестный труд.

Когда у начальника начался приступ,
Он даже не думал кричать:
«Чего ты расселся!? Работать! Ну, быстро!»
Но что-то пытался мычать...
И я на могиле его не заплакал,
А тихо с улыбкой сказал:
«А помнишь, однажды в апреле, собака,
Ты премию мне не дал!?!..»

Сергей ЧАЙКИН, 1983 г.р., Запорожье. Окончил ЗНТУ, по профессии – конструктор. Пишет стихи, музыку, занимается живописью, играет в запорожской рок-группе «Солярис». Участник лито «Стражи весны». Публиковался в российских и украинских литжурналах, альманахах. Автор сборника стихов «Свет в конце колодца» (Новокузнецк, Россия, 2012).

ЛИМЕРИКИ

Австралийские народные частушки

01

Все пожарные города Мельбурна
Водят транспорт спокойно и медленно.
На их трудной тропе
Не бывать ДТП,
Зато зданий сгоревших немерено.

02

Полисмен мистер Смит при аресте
Порошок отыскал – граммов двести.
Он понюхал вещ. док.
И воскликнул: «Я Бог,
Так давайте же спляшем все вместе!»

03

Стоматолог сэр Грегори Стэнтон
Стал легендой среди пациентов.
Доктор вовсе не глуп –
Удалит нужный зуб
С вероятностью тридцать процентов!

ПОЛНОЛУНИЕ

Улыбка продлевает... рот

Ночь. Полнолуние. Тру по просёлочной,
В голос работу кляня.
Радио немо, и спутники – сволочи,
Все потеряли меня.

Тщетны мольбы к GPS-навигатору
В этой крошечной глуши.
Кто там не верит - страшней, чем на каторге
Трудимся мы, торгашаи.

Возим товар даже к чёрту на вилы мы -
Хватким везде путь открыт.
Люди б давно здесь, наверное, вымерли
Без кабачковой икры.

Бак почти пуст - еле-еле газую я,
Может же так не везти!
За поворотом вполне предсказуемо
Вдруг забелели кресты...

Как же случилось, что тропами тайными
Я в это место попал?
От полнолуния до полноштанья
Стала короткой тропа.

Только бы выжить - и нахрен уволюсь я,
Тихо уйду в монастырь.
Дыбом встают поседевшие волосы -
Кто-то с лопатой застыл.

Двое такой вышины - дай бог каждому! -
Ближе и ближе ко мне.
Банки с икрой кабачковой в багажнике
Стали тревожно звенеть.

Вижу безумные серые лица их,
Хищный оскал и прищур.
«Мамочки! SOS! Убивают!! Милиция!!!» -
Крикнул и рухнул без чувств...

...Утром, очнувшись, предмет своей паники
Я не спеша рассмотрел:
Фару разбил, въехал бампером в памятник,
Всё в кабачковой икре.

Двое с лопатами каменно скалятся,
Блещет на солнце гранит.

«Односельчане - Героям-Стахановцам»
Надпись на камне гласит.

С ПОЛУСЛО...

Знаешь, я тебя не люблю...

У соседей оставлю клю -
Без прощаний, без слёз и слю,
Телефон отключу.

Знаешь, я тебя не люблю,
Ухожу, под ногами хлю,
У погоды - системный глю:
То метель, то плю...

Может, скоро придёт весна,
Впрочем, нам уже не шестна,
Где взять силы себе призна -
Не начать всё сна.

В горле - прожитых лет блесна,
Боль проклятая рвёт созна.
Как в тот день, когда мы позна,
Только наизна.

Не грусти - в жизни всё к добру,
Ты швартовые враз обру,
Ведь повторы - как цепкий спру,
Мы не станем дру.

Прошлой жизни б стереть тавро,
Перейти это море вбро...
Где у памяти кнопка "сбро" -
Вот один вопро.

МАСЛОМ ВНИЗ

Ну что за судьба - мне опять не везёт!
Как в жизни разладилось что-то:
К обеду намазывал я бутерброд
И вилкой накладывал шпроты.

По классике жанра упал мой обед
Бесстыдно, безжалостно на пол

И, маслом целуя блестящий паркет,
Мне новые брюки обляпал.

Как вдруг, зазвонил телефон – быть беде!
Вскочил я, теряя рассудок,
По маслу проехавшись, локтем задел
Немытую гору посуды.

Так... где тут зелёнка? Заткнись, телефон!
Дрожащими шаря руками,
Я склянки ронял – эх, малиновый звон...
Хрустело стекло под носками.

Я воду открыл, чтобы с пола отмыть
Осколки, зелёнку и шпроты.
Да сколько же можно! – Алло, кто звонит?
Что значит "уволен с работы"?...

Скорей закурить бы – трясёт словно лист.
Вот чёрт: зажигалка-то сдохла...
Швырнул её в угол – хлопок! Занялись
Льняные портьеры на окнах.

- Чтоб вам провалиться! – ору сгоряча.
Звонок! Эх, теперь не до вас мне...
- Вы нас затопили, – за дверью кричат.
Не жизнь, а какая-то басня...

Пожар потушили, убрался сосед,
Стою и курю у порога.
Да... Вот что бывает, когда на обед
Захочется вдруг бутерброда.

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК

*- Ах, бедный я, бедный!..
Нац. генофонд.*

Пятница, без четверти четыре...
В двери своей квартиры

Скребётся ключом дядя Вася.
Принёс он остатки аванса,
И в зубы соседской собаки
Пытаясь зачем-то совать их,
Кричит: «Открой быстррра двери-на!»
Жене своей, Раисе Стервиной,
Сорокапятилетней, цветущей,
Мужа домой не ждущей.
А вот и собачий хозяин -
Чиновник Афанасий Взяткин.
Идёт выгуливать Лорда,
Породистого, толстомордого
(Даже болонка Сталина
В его родословной представлена!)
Погода за дверью ненастная -
Что делать ещё Афанасию?
Пришлось его псу под окнами
Заливать фундамент потоками.
Позорный сей факт не укрылся
От взгляда Марии Денисовны.
Мария Денисовна Зольцман -
Воплощение общественной совести -
Как раз совершенно случайно
Весь день на балконе торчала:
Телефон, записная книжка -
Для связи с единомышленниками.
Тем временем кран незакрученный
(Всего не упомянуть старушке)
Лил воду из полной раковины
На потолок Надежды Исаковны.
С треском обои сърели,
Соседка стучала в батарею:
«Прекратите безобразие по-хорошему,
А не то натравлю на вас Гошу!»
Дядя Гоша, муж скандалистки,
В кресле млел, газетку полистывая,
И уж меньше всего бы понравилось
Ему сейчас на кого-то натравливаться.
Да, день у него был нелёгкий:

Поспорил с соседом, с Лёхой,
Что сможет выпить пол-литра без закуси.
Смог, и жена его бальзаковская
Стала вдруг жутко привлекательной -
Подойти бы к ней, приласкать её,
Но вокруг всё штормит и кружится -
Куда там чувствам супружеским...
А Лёха, сосед-фрезеровщик,
Был хмур, небрит и взъерошен.
Проиграл дяде Гоше полтинник,
И в лотерее что-то не фартило...
Весь в лотерейный билетах,
Он курил и мечтал в туалете:
Скоро снимет джек-пот, и на это
Возьмет вагон лотерейных билетов!
А пока что эти, невыигрышные,
Он отдавал Татьяне Ильинишне -
Пенсионерке, активистке,
Что жила с внуком вида бандитского,
Сдавала бутылки и макулатуру -
На лекарства и внуку на курево.
А внук от души, испуганно
Всё кнопки в лифте заплёвывал,
За что бит бывал дядей Васей,
Который пьяный, с авансом
Лупил в стену: «Открой, мля, Рая!»

...

Да откройте ж ему, бога ради!

Андрей ШТАЛЬ, г. Краматорск, 1974 г.р. Корреспондент газеты «Краматорская правда». Член НСЖУ. В 2012, как журналист, удостоен первой Общественной городской премии «Родной город» (Краматорск), в 2005 – лауреат регионального конкурса «Молода людина року», проводимого Донецкой облгосадминистрацией и Донецким областным советом. Поэт и автор-исполнитель, лауреат многих конкурсов-фестивалей, в т.ч. победитель третьего Всеукраинского песенно-поэтического турнира «Рыцари слова» (Дебальцево) в номинации «Духовная лирика». Автор двух поэтических сборников «Им я рск» и «Азбука божьего лова».

ЧЕРНИЛЬНИЦА

Сожрал чернильницу из булки,
Но понял, Лениным не стать.
Свирепый ветер в переулке,
И зимняя неблагоприять.

Душа ночной рыдая выпью,
Тоскою черною полна.
Февраль. Налить чернил и выпить,
Как завещал мне Пастернак.

КСЕРОДАКТИЛЬ

Я нашел неизвестного зверя,
Но, возможно, тебе он знаком -
Ксеродактиль все ксерит и ксерит,
Дактиль множит ночами, тайком.

Все стихи, что встречаются людям,
А стихов тех - несчетная рать,
Переписаны дактилем будут.
Ксеродактиль умеет писать.

Скоро дактиля будет так много
На страницах журналов и книг,

Что читатель попросит у Бога
Сочиненный анапестом стих.

Бог от просьбы смутится, похоже,
А потом прослезится в платок.
И тогда я скажу ему: «Боже,
Вот анапестом несколько строк!»

ПРО БАБКУ, ДРЕВНОСТЬ И ХЛАМИДИИ

Курс леченья теперь входит в моду.
Нам такие болезни находят,
Обрамляя в красивые фразы,
Что осталось повеситься сразу.

Фараон, что лежит в пирамиде,
Умирал, говорят, от хламидий.
Золотые пески Эльдорадо
Были съедены трихомонадой.

Это кариес в сумрачном веке
Инков, майя пожрал и ацтеков.
А вчера я услышал такое:
Кандидозом разрушена Троя.

Только бабка моя на деревне
Не учила истории древней,
Нарожала двенадцать детей,
А хламидии по боку ей.

БЕС ТРУСОВ

Живешь ты, дружище, в эпоху прогресса,
Но знай, испокон веков
Над миром различные властвуют бесы.
К примеру, я - бес трусов.

Кто бес перспективный, кто бес позвоночный,
Поверь, этот мир таков.

Один бес - обидный, другой бес - порочный,
А я просто - бес трусов.

Найдется немало причин, чтоб взбеситься,
И беса услышать зов.
Ну, скажем, вот женщина в платье из ситца,
А хочется - без трусов.

В природе встречаются бесы - балбесы,
И те, что мудрее сов.
Но всех симпатичнее - бесы - повесы,
И я - скромный бес трусов.

ЖИЛИ-БЫЛИ ДЕД И БАБА

Жили - были дедка с бабкою.
Не богаты были бабками.

Вот и ели мало каши,
Пить хотели - молока шиш.

В кране также мало жидкости.
Не иначе в доме жид гостит.

Это он ворует гвозди
И испортил в доме воздух.

Это все они, пархатые,
Изгаляются над хатою.

От того старик старуху
Кулаком ударил в ухо.

Бабка тут же деда скалкою.
Получай, старик, не жалко ей.

Дела проще нет и легче
В драке ближнего калечить.

В бучу по любому случаю
Может влезть страна могучая.

А потери в той войне
Спишет на жидов. Вполне.

ДОБРАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Месяц заскочил за тучку.
Он в руке держал заточку.

Хохот, лязг, зубовный скрежет.
- Попишу, - кричит, - порежу!

Раз, два, три, четыре, пять, и
Я маньяк, я злой, я спятил!

Страшно стало, стало жутко,
Сам себя сожрал Мишутка,

Совершенно непопсово
Завопили в небе совы.

Кабана с клыкастым рылом
Ксенофобия накрыла.

Полночь, новые порядки.
Засыпай, мой мальчик сладкий.

Хочешь ты, или не хочешь,
Ляг, умри, спокойной ночи!

КРЕАТИВ

Сегодня никакого креатива
В моем не зарождается мозгу.
Мне душно, будто я в презервативе,
Внутри, сперматозоидом бегу.

А впрочем, так спокойней будет миру,
И на судьбу мне нечего пенять.
Мой креатив заразен, словно вирус,
И мир предохранился от меня.

БАБЛАНЫ

Слышал я, что в дальних странах,
И не в дальних кое-где
Водятся зверьки - бабланы,
И бабло плодят в гнезде.
Забродившего компота
Выпью для опохмела,
И отправлюсь на охоту,
Чтоб добыть себе бабла.
Взяв в сообщники Руслана,
Безработного дружка,
Отловлю я всех бабланов
Постепенно, но пока
Мне сказал Руслан: «Интрижка
Это все и суета.
На тебе, приятель, книжку,
На досуге почитай.
В мире, глянь, воюют кланы,
Войны порождают зло.
А виной всему - бабланы!
А виной всему - бабло!
Страшные бабланы твари!
Ты погибнешь за гроши!
Подыщи себе, товарищ,
Лучше дело для души!»
В общем, все идет по плану.
Я читаю «Капитал»,
Но мечтать ловить бабланов
До сих пор не перестал.

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ, родился в Донецке в 1961 году. Работает в жанре юмористических рассказов, новелл, афоризмов. Публиковался в ироническом журнале Жванецкого «Magazine», «Вопросах литературы» и др. До недавнего времени — постоянный автор юмористического журнала «Фонтан» (Одесса). Автор книги «Я и Софи Лорен» (Москва, 2011). По мнению М. Жванецкого, является одним из лучших литераторов иронического направления не только в Украине, но и в СНГ.

ВОЕННАЯ ТАЙНА

Козлов сломался совершенно неожиданно.

У нас ведь было как? В советской армии. У входа в казарменную спальню на посту стоял дневальный. Даже ночью, то есть круглосуточно. Обычно это был боец из Средней Азии. ...

Каждое утро, ровно в шесть утра, створки дверей нашей спальни вдруг распахивались, и на всю казарму — этот крик. Кричала Азия:

— Р-р-рот-та, — истерически, — па-а-дъем!

Казалось, ну и что? Но этот вопль... Тишину он резал без наркоза. И даже мертвый мог проснуться, а живые... Сонных, их с кровати опрокидывало, их сносило как взрывной волной. Спросонья натыкаясь друг на друга, все металось по казарме, одуревшие. Хватаясь и за воздух, и за стены: «Что, пожар? Война? Армагеддон?!» А потом ходили, как потерянные...

Ну а те, из Средней Азии, старались. Может, думали: так нужно? Чем страшней. И если где-то им учеба не давалась, то здесь они, конечно, были первыми и выказывали лютое умение...

Руководство их за это уважало и чуть что — дневальные они!

И как-то раз они перестарались. Когда утром, тоже ровно в шесть, по Уставу выкрикнули «р-р-рот-ту» — один из нас, увь, не оклемался. Это и был Козлов из города Воронежа, который отдыхал в соседней койке. Не Воронеж, а Козлов, ну, это ясно. Он от всех ничем не отличался. Очень тихий, безответный, это да. А еще о чем-то вечно думал...

Кажется, всей мощью децибелов этот крик ударил ему в голову. И когда я на него едва взглянул, то, не скрою, просто содрогнул-

ся. Он еще спал, но с ним уже случилось! Он резко и болезненно зажмурился. Он покрылся странной мимикой, снаружи. Спотыкаясь о черты его лица, по нему проехала гримаса и тут же скрылась в складках одеяла. Он еще и слова не сказал, я вдруг почувствовал: он будет заикаться. А открыл свой рот — я так и знал! Причем, что страшно, силился сказать с одновременным тремором конечностей.

Козлов тарачил сонные глаза, а в них была тоска нечеловеческая.

Он превзошел, дневальный, сам себя.

Ну а Козлов, конечно, стал изгоем, и над ним уже глумились с полным правом. Его мама посылала не за тем...

Опечаленный, я все-таки отметил: хорошо, что заикается Козлов! И не то, что он Козлов, а что не я. Я отметил — даже испугался: мы ж с Козловым спали по соседству. И иллюзий я уже не строил. Короче, не спрашивай, по ком кричит дневальный — он кричит, возможно, по тебе. И если ночью я куда-то вскидывался: ну, попить себе водички или так, я этот крик старался обмануть. Чтобы «р-р-рот-та» не накрыла и меня, я ждал утра, уже не засыпая...

И еще одна деталь, немаловажная: до армии я жил себе вольготно: я не сова, чтоб поздно засыпать, и не жаворонок, рано просыпаться. Чтоб хорошо и с удовольствием поспать, я на гражданке оставался человеком. Но армия взяла меня за горло. В шесть подъем, за день наустайшься, а потом еще и это, под завязку: «Не плачь, девчонка!» Песню запе-вай!» Ты ей — «не плачь», а сам уже рыдаешь, потому что всё уже вот здесь. Доползти б до койки и забыться, так нет: перед глазами наш Козлов.

Я ждал утра. И я его дождался!

Однажды ночью захотел я в туалет. А, как разъяснял нам замполит: «Туалет у вас на улице недаром!» Для чего? Когда такой буран. «А чтобы все армейские лишения, что называется, почувствовать по полной. А не теплый туалет в родной казарме».

На тумбочке стоял Ахмедояров. Не знаю, друг степей? Из Средней Азии. По Уставу сторожить покой и сон. Вы удивитесь: «Как это на тумбочке? Он же рядом!» Верно, он же рядом. А почему дневальный, когда ночь?!

И вот тут заметил он меня. Он меня увидел, подбоченился. Он перец важный, он собой гордится. И такой — цены себе не сложит. Ну а я...

Заваливаясь на бок, весь сутулый, я проплываю мимо будто призрак. Шапка задом наперед на голой лысине. Шинель — распахнутая — на таком же голом теле. На шинели от подушки пухперо. Шинель вся старая (деды мне подменили), на пять размеров больше (покуражиться). И будто шлейф, волочится по полу. Сапоги нечищеного цвета, расстроенной гармошкой. Это я. Один мой глаз не хочет открываться. А туда же, извините, по нужде! И, главное, — его не замечаю. Ну, вообще! Его, его, дневального на тумбочке!

Ахмедояров на секунду затаился. Мол, в своем ли я уме?! Что я чести не отдал ему, дневальному? А еще (такое вероломство!): как я посмел не доложить своей фамилии?! Чтоб он, значит, зафиксировал меня.

А и верно, там была такая книга. «Книга выхода в ночное время дня!» Мол, если тот, кто вышел из казармы, провалился как сквозь землю, не дай Бог, но в «Книге выхода» о нем побеспокоились, это значит: он не провалился. А весь вышел. Вышел — и исчез. Так на занятиях по боевой и политической нам разъяснял наш подполковник-замполит. И к замполиту я еще вернусь. Ну и еще одна, курьезная, деталь: в этой книге — строчка про нужду. Мол, по какой нужде тебе приспичило? Плюсик и два плюсика, соответственно.

Вот же армия, как кузница абсурда!

Я, как сомнамбула, тащусь по коридору и на дневального... Как будто его нет. А он же есть! И поначалу столбенеет. Он же думает, что я им пренебрег. Зато потом как выпучит глаза! А они ж ранимые, узбеки. И чуть что — воспаляются мгновенно:

— Твой фамилий! — и его уже трясет.

А я не понимаю: он о чем? Потому что толком не проснулся. Кто я? Где я? Даже почему?! И бессмысленно тарашусь...

Всё, дошло! Ах, фамилию? Всего-то?!

Я очнулся.

Открыл свой рот — да так и онемел. Боже, а ведь я — ее забыл!

Длинная шинель, не по размеру, волочится по полу, будто шлейф...

У меня мурашки встали дыбom.

Но — так, спокойно! Не паниковать! В мыслях горячечно — обоймой — проворачивается: Иванов — Петров — Сидоров, Иванов — Петров... А я ведь не дурак, ума хватает: нет, не Иванов и не Петров. Да и какой, скажите, из меня Петров, с моей-то внешностью? А к Сидорову даже страшно прикасаться: вдруг не он? А больше ж никого! И я, беззвучно шевеля губами: «Боже, кто же я?!» Но Он молчал.

Зато Ахмедояров... Он обидчивый. Он за себя уже не отвечает. И уже схватился за штык-нож.

А я ж иду. Во-первых, поджимает. И тут Ахмедояров исступленно:

— БЛЯТЬ, ФАМИЛИЙ!

Он уже сорвался.

Ну и крик!

Меня отбросило. Но это еще ладно. А ведь в спальне...

Им мерещится: подъем! Что это утро. Потому что так кричать? Конечно, утро!

Они выпрыгивают с коек, суетятся. Сталкиваясь лбами в темноте, высекая искры неизбежности.

На автопилоте одеваются. Там, за сколько-то секунд, как по Уставу.

Но по Уставу на часах — двенадцать ночи.

И, ох, я чую, мне еще аукнется! Что светит темная, и как бы не страшней.

Ахмедояров — пена изо рта:

— Ат-бой! — глаза на выкате. — Ат-бой!

Руками машет, топает ногами.

Вторым отбоем рота отбивается.

Я же говорю, что это дикость. Ну, хорошо, не дикость, это армия.

А коридор у нас длиннющий, как кишка. В общем, есть что заметить моей шинелью.

Ахмедояров, кажется, дошел. И, видно, мы дошли одновременно.

И только здесь мне, перед самым выходом... Мне в голову ударило: я Слава! Все, что вспомнил. В общем-то, не густо.

Обернувшись, жалко улыбнулся:

— Слава я!

Он грязно выругался, но на этот раз рукой (а они умеют, как никто):

— Э, шайтан, давай уже!..

Проваливай.

Про нужду он даже и не вспомнил.

И я тут же провалился в эту ночь.

А на улице свирепствует кошмар: снег такой — метет, как угорельный. Стоит поскользнуться — заметет. Ну и ветер, норовит тебя свалить.

Наверху качается фонарь, бешено, в какой-то оголтелости. Еще немного — просто оборвется.

До туалета набегало метров двести.

Сердце колотилось хаотично. Ветер обдувал меня всего. А ветры там такие, настоящие, пробирают до костей и даже глубже. На морозе ты дубеешь абсолютно. И совсем уже не помнишь ничего...

Бреду, меня заносит. Как в бреду: «Господи, так кто же я?! Спаси!»

И мгновенно...

Я глазам своим не верю!

Вот оно! Идет!! Мое спасение!!!

Замполит. Товарищ Шпиг Иван Иванович.

Кажется, дежурит он по части. Ну и по части выпить не дурак.

Принимал он с удовольствием, помногу. Вот и сегодня у него приемный день. Если это видно даже ночью...

Иван Иванович, казалось, он запойный, но всех солдат он помнил наизусть: «Тютюкин? Молодец! Иди, служи!»

Вот и щас наверняка он подгребет и задаст спасительный вопрос:

— Товарищ рядовой... — и по фамилии.

А дальше, по-отечески:

— Отлить?

Я ему:

— Отлить! — без ложной скромности.

Но, ликуя, я попру уже к дневальному...

Однако Шпиг не так-то прост, он говорит:

— Шо, сынок, отлить?

«Сынок», вы слышите?!

И, упавший духом, я:

— Так точно!

Он поощрительно ослабился. И сгинул.

Спросить у Шпига: кто я по фамилии? Он еще б решил... Я воздержался. (Тишайший, он был в гневе ураган. А мне хватило одного Ахмедоярова).

До отхожего добрел я сам не свой. Дверь нараспашку, воеет дикий ветер. А дыры, эти самые, в полу, заглянешь — и увидишь конец света. Ветер и оттуда, как в трубе.

Мне уже не до нужды: так кто же я?! Шапка взмокла изнутри, от напряжения. Тихо, моя паника, уймись! Прижался к стенке, затаил дыхание. В надежде тру виски. Надежды нет!

Машинально стал рассматривать граффити, настенные скабрезности, рисунки. Вот мы и приплыли, как жить дальше...

И вдруг меня как током припечатало: я дернулся, подпрыгнул и — заржал. Как малохольный, как с рождения припадочный. Я чуть не рухнул в эту дырку, вот клянусь! Потому что на стене — «Верховский — хер!»

Ну, «хер», как говорится, это на хер! А вот «Верховский» — царская подсказка! Кто писал, не знаю до сих пор. Размашисто и дерзко... Я не знаю. А вот что его рукой водил сам Бог...

И я бросаюсь тут же доложить. Кто же я. Верховский, наконец!

Бегу стремглав, срезая расстояния.

А там сугробы! Утопая, выплывая.

Путаясь в шинели, весь в снегах. Трижды падая и дважды кувыркаясь.

Весь с мороза, раскрасневшийся, счастливый. Я ввалился.

И с порога:

— Запиши!

Мою фамилию. В «...ночное время дня».

Но дневальный...

Я же думал: он обрадуется. А он напротив: кажется, свихнулся!

Он вписал мою фамилию, как «Слава».

И сейчас он находился в полном ступоре.

Я улыбаюсь, а он думает: смеюсь. И, подозрительный — что я смеюсь над ним.

Он радости моей — не разделяет!

Ахмедояров осерчал? Он взбеленился!

Скрипел зубами — в жилах стыла кровь.

Крик луженой глотки азиата... Я умру, но не забуду никогда!

— Э, шайтан! — он взвился, обезумев. — Выходил Слава, заходил уже Верховский?! Ничего! Утром Шпиг тебе еще покажет!

Что мне Шпиг «еще покажет», я не знал.

В казарме — запахи солдатской ночи. Портянки, гуталин, ночные вскрики, даже всхлипы — и египетская тьма.

Свою койку нахожу я по Козлову: он спал, напропалую заикаясь.

Я лег и по привычке затаился.

Пару раз зевнул, но вхолостую.

И, уставясь в черный потолок: «Не, так дальше дело не пойдет! — подбил итог. — Ничего себе, забыть свою фамилию! Спасибо ночью, а забуду днем?!»...

Этот план созрел молниеносно. Меня голыми руками не возьмешь!

Глаза горят, я превентивно поднимаюсь. Очень тихо, чтобы никого не побудить, я крадусь в солдатскую каптерку.

Ахмедояров вздрогнул, на посту:

— Солдат, куда?

Сходу вру:

— Писать письмо, а что?

— Пиши, солдат, пиши! Прощайся с жизнью!

Обнадежил, все как полагается.

А в каптерке, может, кто не знает, там одежда наша, все такое...

Вы когда-нибудь записочки писали? А самому себе? Книга рекордов Гиннеса, ау! Двадцать пять! Двадцать пять записок, как с куста! По числу карманов — это как?!

Я даже заложил за воротник.

И на каждой... И на каждой — по «Верховскому»!

Для чего? Ну, предположим, я забыл. Причем не ночью.

И идет навстречу генерал. Допустим, сам товарищ Швырбоков:

— Так, а ну, представьтесь, рядовой!

Честно, так же можно и преставиться...

И вот тогда я...

А теперь — внимание!

Я не растеряюсь, а найдусь.

И, ничем не выдавая замешательства. Улыбаясь отвлекающим маневром. Незаметно шасть в карман, что ближе всех.

— Одну минутку! — так непринужденно.

Черт, где она?! Фамилия моя! Ну же, ну! А, вот она, извольте!

И молодцевато доложу:

— Товарищ генерал, солдат Верховский!

Генерал, конечно, это съест.

Генерала я не встретил, а вот Шпига... Утром — он ворвался метеором.

Адмедояров таки наступал — и тот слетел с катушек капитально:

— Где Верховский? Ну-ка, подойти! — его рожу тут же скособо-чило: — Зачем вы над узбеком издеваетесь?! Что он чурка... — я цитирую дословно. — Что он чурка, не его вина! И что болван, так исторически сложилось...

Замполита — будто подменили!

Хотел я, было, возразить, но он:

— Молчать! — и крикнул так, что я похолодел: — Если что, я за себя не отвечаю! Я вышел из себя! Меня там нет! — он клекотал, все больше распаяясь: — А ваши хитрости вас до добра не доведут, а до дурдома! — и, захлебываясь бешеной слюной: — А то, Верховский, надают по яйцам так, что забудешь, как рожать детей, скотина!..

Да, фамилии он помнил наизусть!

А этим криком — он опохмелялся.

В общем, утром Шпиг был ураган. А темную, конечно, мне устроили...

Домой я возвратился через год.

И не просто возвратился, а живым.

К счастью, те записки не понадобились...

Все мои сбежались: это ж праздник! И друзья. В моей комнатке, мы шутим, мы дурачимся. Они об армии: «Ну, как?» Я: «Значит, так...»

И тут к нам постучали. Это мама:

— Слава, тебя можно? На минутку... Я тут вешала твой китель, в шифоньер, и... В каждом из карманов... Для чего?

Это ж надо, как я прокололся!

Как найти в себе хоть горсточку ума?! Как же ей ответить?

Всё, нашёл!

И с напускной загадочностью, шепотом:

— Это, мама, — военная тайна!

Она смущенно:

— Вот, я так и думала! Нет, конечно, Слава, ты молчи! Если тайна — не имеешь права!

И вдруг, внезапно, почему-то разрыдалась.

Оказалось: догадалась она сразу. И больше притворяться не могла.

А Козлова в армии убили.

КЛОЧЬЯ

Критик писателю: учись скромности у своего дарования!

☺

Если правительство идёт нам навстречу - столкновения неизбежны.

☺

Это ложь, мы Родину не покидали - мы просто отбежали на безопасное расстояние.

☺

Иногда с человеком имеют дело только для того, чтобы с ним не связываться.

☺

На жизнь не жалуюсь: узнает - будет мстить.

☺

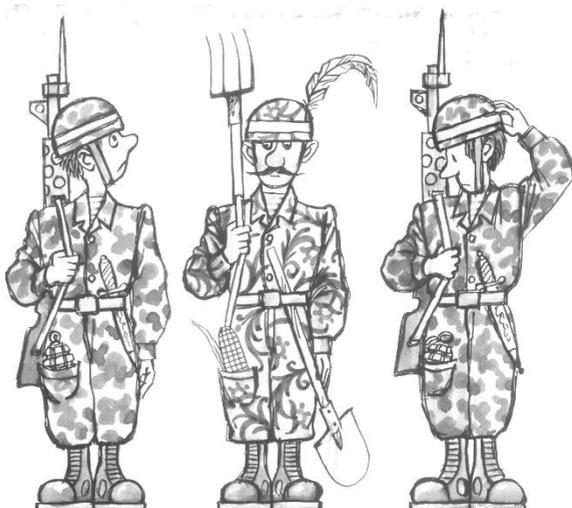
Самый безопасный секс - это любовь.

☺

Не родись красивым: вырастешь - не узнают.

☺

Весь ужас в том, что он ещё не вес!

Юлия САВАРАНСКАЯ, 1973 г.р., г. Харьков.

По образованию архитектор. Работает дизайнером. Жемного художник и поэт, автор-исполнитель. В 2007г. вышел аудио-альбом "Феникс". Лауреат и дипломант многих фестивалей авторской песни. 2008г.— гран-при фестиваля "Плеяда" (г. Запорожье), участник фестиваля "Петаккорд" (г.С.-Петербург) в 2008 г. и Троицкого фестиваля в 2009 г. Член клуба авторской песни "Урбис" г. Харьков.

РЫБА-СОЛНЦЕ

Большая Рыба-Солнце плыла в глубинах ванны,
Мечтая погрузиться в объятия дивана.
И, распивая пиво, закусывая пиццей,
Не думала о том, что о ней мечтает Птица.

Ах, только Птице этой такой же стать бы Рыбой,
Чтоб изучать дуэтом просторных ванн глубины.
Не в тазике, не в миске - где места слишком мало,
Пусть даже без прописки, но лишь бы только в ванной.

Но залегла подлодкой большая Рыба-Солнце,
А Птице, хоть селедкой, но лишь бы всплыть в оконце.
Согласна быть последней, не быть поскольку первой,
Но, лишь бы, ставши Рыбой, не стать потом Консервой.

ОТЧЕТ О ПРЕБЫВАНИИ НА ФЕСТИВАЛЕ, ИЛИ ПИСЬМО ДРУГУ

Моя блудливая гитара
Так бодро ходит по рукам!..
И блеск опустошенной тары
Росой искрится по кустам...

Средь лиц, что мне едва знакомы,
Я сожалею в сотый раз,
Что не вдвоем сейчас с тобой мы,
Что не со мною ты сейчас.

Ходили б вместе за дровами,
Орали б песни до утра,
Но ты сейчас спишь на диване,
А не в палатке у костра.

Здесь комары надоедают,
А, впрочем, так же, как тебе.
Но только здесь они летают,
А не крадутся по стене.

Здесь чай - с золой, и каша - с хвоей,
Но это, право, пустяки -
Важней намного то, что стоит
Одной написанной строки.

А посему, став к лесу задом,
Я вновь благодарю волхвов
За то, что ты сейчас не рядом,
Иначе не было б стихов!

Лина ФЕДОРЧЕНКО, 1975 г.р., Киев. Писатель, тренер личностного роста, ведунья, арт-терапевт, музыкант, художница. Член МСПУ. Лауреат международных и всеукраинских конкурсов и фестивалей. Публиковалась в Украине, России, США, Германии. Вошла в антологию «Украина. Русская поэзия XX век». Постоянный участник культурных программ на СТБ, К1, Радио-Эра и др. Член жюри международного творческого фестиваля «Антракт» 2007–2009. Эксперт на сайте Международного литературного клуба 2009–2012. В составе жюри litfest.ru.

СЕМАНТИКА (ПО-ОДЕССКИ...)

Когда Ваш ребёнок спросит: «Что такое фасад?», вы, конечно, можете, открыв толковый словарь, сказать: «Это передняя стена дома».

Но тогда он задаст вполне резонный вопрос: «Какую именно стену при нынешних-то домах считать передней, какую - задней? (Ведь это ещё с какой стороны посмотреть...)»

И не пытайтесь ответить: «Смотреть правильно только с этой», потому что вы и сами прекрасно знаете, что «на одной стороне больше 60% правды не бывает», а он знает, что дом - не кавалер, и указания типа «там, где галстук, там перёд» в данном случае не проходят.

Надеетесь, что вам не попадётся такой умный ребёнок? Попадётся. Дети все гении, а ваш - самый гениальный (правда, после моего... Но этого я вам не скажу).

И вот вы зашли в тупик, и на его «Почему?» скажете: «А я знаю? Я не тот, чьё имя не поминают всеу. Азохн-вей...»

Только удовлетворится ли ребёнок таким ответом?

Правда, можно ответить и по-другому.

К примеру, так: «Представь себе, идёшь ты мимо синагоги (это такое место, где Бог имеет свой гешефт). Выходишь на Пушкинскую, видишь дом, допустим № 24. Ну да, да - тот, в котором живёт мой конкурент Сёма (что б ему всё жизнь работать как в пятницу, есть как в субботу, а чувствовать себя, как в понедельник). И дом этот лазурного цвета (как небо... и как бусы, которые я пода-

рил твоей маме, когда ты родился... хотя собирался подарить их совсем другой тётё и совсем по другому поводу... но Бог мудрее нас, не сложилось).

Дверь парадного подъезда огромна, как сумма наших долгов, и всегда закрыта, как кредит в банке. Башенки, балкончики, окна формы загадочной, как декольте нашей соседки снизу (не смотрел? Ну и правильно, мал ещё), а также колонны, кариакиды и прочие архитектурные излишества.

И ты думаешь, что снаружи – то и внутри? Нет... Жизнь, так же как портмоне и сердце, имеет, как минимум, три подкладки...

Так что пройди через проём, на одной стене которого наискосок размашисто мелом: «Будьте счастливы люди!!!», а на другой – мелко, печатно, краской: «Туалета нет», пройди – и ты попадёшь во дворик, не белёный, видимо со времён Дюка. ...Здесь окна напоминают скорее прорехи на старом платье, а двери не закрываются, как рот у твоей мамы. (Но это так, мысли вслух).

Ночью на каждой крыше сидит чёрный кот, и они поют, словно скрипки в «Гамбринусе», а днём на каждом балкончике тётя Рая, Роза, Рива, и через весь двор – верёвки, запахи и вопли...

- Отойди от колонки, хулиган!

Чтоб твоя голова провалилась в грудь, и ты выглядывал сквозь рёбра, как вор сквозь решётку! (Да не сбудутся эти слова)!

- Шимон, когда тебя нет дома, твои соседи говорят о тебе гадо-сти.

- Ха! Когда меня нет дома, пускай они меня даже бьют.

- Но это ещё не всё! У твоей Голды есть любовник.

- Знаешь, я считаю, что лучше, как я, иметь 50% в хорошем деле, чем, как ты, между прочим, тоже 50 – но в плохом.

- Ой вейзмир! Такое моё еврейское счастье...

- Сара, и чего вы опять так кричите?

- Так мой Абраша опять-таки пьёт.

- Я же не алкоголик, я топлю в вине свои цорес.

- И что?

- ... они достаточно хорошо умеют плавать.

- Милочка, вы имеете сегодня свободный вечер?
- А что?
- Я хотел пригласить вас в ресторан.
- В дорогой?
- В самый лучший.
- В таком случае имею.

- Моня!
- Да?
- Да я не тебя зову, а своего кота!
- Зачем коту давать человеческое имя, неужели нельзя было назвать Василием?

- Знаешь, Шуламифь, иногда мне кажется, что лестница в небо находится именно в нашем дворе...

Так вот, майн либн кинд, то, что снаружи - то фасад, а то что внутри - то Одесса».

И знаете, дети обычно понимают...

АПОКАЛИПСИС ПОД НОВЫЙ ГОД

Белым по чёрному пишет снег.
Снег чистый-чистый, и тёплый, как детская варежка...
Налей по второй - ведь сегодня кончается век,
и... знаешь ли?

Сегодня закроют наш мир, как страницу, небрежной рукой
и наших Богов схоронят без креста и без ладана...
А помнишь, мой друг? Так налей же ещё по одной!
Гляди, разгулялась метель - с ней ни ладу, ни складу нет...

Всё ждали развёрстого неба, и трубного гласа, и катастроф.
Никто не заметил, как ангелы пели нам колыбельную...
От нашей культуры останется пара таинственных строф,
а всё остальное, мой друг, заметётся метелью...

Хрупкое время безвременья, передышка -
от первой трубы
до двенадцатых колоколов.

Изморозью на стекле оседает мир наш усталый...
Друг мой, послушай!

Да ты уж, похоже, готов.

А может...
проспимся и всё обойдётся, пожалуй?..

СКАЗОЧКА

(сюжетный коллаж)

И быше три брата,
единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив,
и послал царь трёх своих сыновей за молодильными яблоками,
пришёл же невод
с одною репкой.

И говорит она человеческим голосом:
"не ешь меня серый волк, я тебе песенку спою..."

Но проткнул Буратино очаг, нарисованный на холсте,
а Царевна-Лягушка ему и говорит:

«не гонялся бы ты, поп, за дешевизной...»

Будь же, князь, ты комаром!»

И лежал он на печи 30 лет и 3 года.

Дед бил, бил - не разбил, баба била, била - не разбила.

Мышка бежала, хвостиком махнула,
яичко упало...

а в яйце игла, на конце иглы - Смерть
Кощеева.

"Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?"

Корабельщики в ответ: "избушка-избушка, повернись к лесу задом".

Тут и сказочке конец, по усам текло,
а в рот не попало.

P.S. И послал царь трёх своих сыновей...

Михаил КВАСОВ, поэт, композитор, автор-исполнитель. Лауреат международных литературных премий им. Михаила Матушовского и Татьяны Снежиной. Автор трех поэтических сборников и четырех музыкальных альбомов. Причисляет себя к племени кочующих поэтов. Очень много ездит по стране, участвует во всевозможных поэтических и песенных фестивалях. Работает с молодежью. Руководит литературным объединением города Счастье и детско-юношеской студией «Нежность» города Александровска.

МОИМ ВРАГАМ

Шутка

Я устроюсь в аду кочегаром,
С чертом как-нибудь договорюсь.
Если жизнь моя прожита даром,
Может быть, я в аду пригожусь.

Я устрою веселую баньку
Тем кто жить не давал на земле.
Я их выну из общей лоханки
И сварю в персональном котле.

Буду температуру дровами
До кипенья в котле поднимать.
Вот тогда посчитаюсь я с вами
В Бога, в душу, и в бабушку мать.

Главный черт, тот который там правит,
(С ним не раз я уже выпивал)
 Попрошу, пусть подальше отправит
Их туда, где и сам не бывал.

А потом, если это возможно,
В рай обратно к друзьям проберусь
У меня же цыганская рожа –
С Богом как-нибудь договорюсь!

ПАРОДИЯ

*Зависала тучка на груди утеса,
Молодой поручик хакает колеса...*

*Это вовсе не Дзен-буддизм,
Это мой отходняк на утро...*

*В двадцатый век от Рождества Христа
Монахов уводил Иеремия*

*Блажен, кто верует и ищет...
Ах, церквушки хороши!
Опять у Флоровского нищий
С утра нажрался от души...*

*Я камнетес, Резец мой остр.
Я душу камня вам донес,
А гениальность - это просто,
Я - ювелир, я - камнетес.
Юрий Крыжановский*

Мой друг - поручик Крыжановский
Вчера весь день гонял чертей.
Он, перебрав весьма чертовски,
К опасной подошел черте.

Там, за чертой, живые черти
Ему совали фигу в нос.
Позор такой страшнее смерти,
Он не стерпел, пошел в разнос.

Итог - побитая посуда,
Козел-денщик весь в синяках,
И, взявшийся невесть откуда,
Монах с бутылкою в руках.

Он предложил - пойдем, пройдемся
До Флоровского и назад
И вместе с нищими напьемся,
Ты этой встрече будешь рад.

На паперти стихи начертишь,
В которых мысли оживут,

Не только люди, даже черти
Тебе завидовать начнут.

Ты так захочешь мир украсить,
О папереть расквасив нос,
Что аж в Луганске вскрикнет Квасов,
Ты, Крыжановский - камнетёс!

Ты по наивности своей
Чудес от жизни ожидаешь,
Жуешь бумагу серых дней
И на ночь дверь не закрываешь.

Коль ты облекся в ореол
Мечтателя и непоседы,
Держи всегда накрытым стол,
Почаще доверяй соседу.

Люби жену, прости врага,
Пусть мир вокруг тебя ветшает...
Твои ветвистые рога
Тебе ходить уже мешают.

Я к делам большого спорта
Отношусь лишь как любитель
И из дел большого спирта
Я ушел как потребитель.

Ну, а что до дел амурных,
Тут с пристрастием гурмана
В составленьи фраз ажурных
Упражняюсь неустанно.

Мой девиз - забот поменьше.
И скажу, не предрекая, -

Господа, любите женщин!
Жизнь короткая такая!

*Не пыльцою - пылью дышит.
В немоте неподражаем.
От таких стихов не пишут -
От таких детей рожают.
Янина Карпенко.*

Хоть в стихах разбираюсь и слабо,
Но скажу я тебе без затей
Я - мужик, ты - шикарная баба,
Так давай нарожаем детей.

Как мужчина, я неподражаем,
Род веду от серпа и сохи.
Так давай же детей нарожаем,
На хрена нам с тобою стихи.

По причине отсутствия денег,
Этих мятых бумажек с портретами,
Я, обычный непризнанный гений,
Пробавляюсь смешными куплетами.

Вот, к примеру, Шевченко Тараса
Я как классика заужал.
Кобзаря вспомнил, стоя у кассы,
Когда «сотку» в руках подержал.

Я в восторге от творчества Леси,
Что у нас Украинкой зовётся.
Хороши ее песни о лесе,
На двухсотке Джокондой смеётся.

Философскую литературу
Уважаю я, господа,
А в особенности купюры,
На которых - Скворода!

«Бронзовею», и прочь все сомненья,
Пусть народ мне за скромность простит.
На какой же купюре, как гения,
Мою морду Гознак разместит.

Он так желал её упорно,
Но сник на черной полосе.
Любви все возрасты покорны,
Жаль, только органы - не все.

Небогатая семейка:
Мать, отец, оболтус-сын
В сквере, севши на скамейку,
Разговор ведут один.

- Очень с папой нам нейдет
Дачу для семьи купить.
И торжественно клянется
Папа водку бросить пить!

- Я же брошу сигареты,
Шейпинг, фитнес, макиаж.
Мне без дачи счастья нету, -
Мама тихо входит в раж.

- Ну, а ты, ты, мой хороший,
Чем пожертвовать бы смог?
- Я, пожалуй, школу брошу!
Отвечает ей сынок.

Александр МОРОЗОВ, поэт и литературный деятель, лауреат многих литературных премий и фестивалей, член МСПУ и КЛУ, президент межобластного творческого союза «Рыцари слова», руководитель Дебальцевского городского литературного объединения им. В.Н. Сосюры, "крёстный отец" турнира "Рыцари слова".

Поэтом быть - большая честь,
Но иногда нам надо есть...
Мы плавим сталь, корчем корни.
Жаль, но поэзия не кормит...
Заброшу перья и бумагу
И стану добывать матблага.
Но если я пойду на это, -
Лишится родина Поэта!

ЛУНА И АЛКАШ

Песня

Мы в сквере выпивали с корешами -
Чудесный вечер, звёзды, тишина.
Гляжу, в моём наполненном стакане
О стенки бьётся полная луна...

Луна блестит в гранёном с самогоном,
Вот это микс!!! Вот это о-го-го!!!
Я заказал когда то чай с лимоном,
Похуже, чем флакон с одеколоном,
Но, знаешь, тоже, в общем, ничего.

Я пил первак, а в нём луна светила,
Но вдруг темно и очень странный гул,
А в глотке поперёк стоит светило...
Я поперхнулся, громко кашлянул.

Я, в общем-то, давно живу на свете,
Пусть не так, как бы хотелось жить.
В карманах и башке гуляет ветер...
Поднял глаза - луна мне с неба светит
И как бы укоряет: «Хватит пить!

Расскажешь - не поверят в ахиною.
Свечу в ночи я миллионы лет
И, хоть сама светиться не умею,
Как зеркало я отражаю свет».

Иду домой нетвёрдою походкой,
Земля дрожит, кружит и в горле ком.
Штормит, идти пытаюсь посередке -
Нельзя, друзья, светило выпить с водкой,
Тем более с хорошим перваком.

ЗНАКОМСТВО С РОДИТЕЛЯМИ НЕВЕСТЫ

Со мной давно сожительствует Муза,
Украшивши поэта бытиё.
Я был не против этого союза,
Собрался сватать Музу. Мать её -

Подруга Зевса - "крошка" Мнемозина -
Имеет, в общем, очень грозный вид.
Меня обнимет крепко, будто сына
(Так испокон веков у титанид

Заведено). Потом предложит кубок,
Так, небольшой - с огромную бадью...
И спросит строго: "Любишь крепко Музу?
Гляди в глаза и отвечай - «Люблю»".

Но против титаниды я, как карлик,
С серьёзным видом - складка меж бровей,
Предстану скоро. Не до перепалок
С, вполне возможной, тещею моей...

И, чтобы не затягивать неловкость,
Отвечу громко, искренне: " Люблю!"
И сократится между нами пропасть,
И примет Зевс меня в свою семью.

Поселимся мы с Музой на Парнасе,
Построим дом, хозяйство заведём.
Я понял, наконец, что значит счастье -
Когда хотят подольше быть вдвоём.

Мы с Музой друг друга обожаем
И с каждым днём всё более близки.
Она мне ребятишек нарожает,
А я ей - гениальные стихи.

ЗДЕСЬ БАБЫ С ВЁДРАМИ КАЧАЮТ БЁДРАМИ

Здесь бабы с вёдрами
Качают бёдрами -
Идут на пастбище
Коров доить.
Здесь ночи росные,
Здесь ели с соснами,
И парни с девками
Имеют прыть.
А на прилавке здесь,
Часы, булавки есть
Тряпье из хенда тут
Завозят по...
Почти что новое,
И четверговые
Печенье-пряники
Лежат в сельпо.
Вам здесь понравится,
Чтоб переправиться
Паром курсирует,

Аж до зимы.
Зима не долгая -
Река не Волга, я
Не замечал зимы -
Кутили мы...
Здесь бабы с вёдрами
Качают бёдрами -
Идут на пастбище
Коров доить.
Здесь ночи росные,
Здесь ели с соснами,
И парни с девками
Имеют прыть.

Виктор ШЕНДРИК, 1956 г.р. Автор шести сборников стихов, двух сборников рассказов, романа «Был городок» и повести «Двенадцать дней свободы». Печатался в периодических изданиях Антверпена, Артёмовска, Воронежа, Вупперталя, Донецка, Дюссельдорфа, Екатеринбургa, Житомира, Канева, Киева, Луганска, Новокузнецка, Одессы, С.-Петербурга, Харькова. Лауреат премий им. Владимира Даля (2004 г.), Виктора ШUTOва (2005 г.), Татьяны Снежиной (2009 г.). Победитель 3 международного конкурса юмористической прозы и поэзии «Жизнь прекрасна», организованного Чеховским обществом (Аахен – Дюссельдорф) (2012 г.).

ГОСТИ

Папа мой выкинул номер. Звонит мне как-то раз по телефону и говорит:

- Я к тебе сейчас приду с японцами.

Нормальное в целом заявление, особенно если учесть, что за полгода совместной работы он их к себе домой ни разу не пригласил. А тут вдруг:

- С японцами приду. Поставь чайник.

Чайник! Жену чуть кондратий не прибрал. В доме - шаром пока-ти. Слетала пулей в "Кулинарию", принесла какой-то чудосочный рулет к чаю, долго изучала пустые полки холодильника. И всё это с причитаниями: японцы!

- Успокойся, - говорю, - не изображай из себя Коллонтай. Судя по папиной дикции, им как раз только чаю и не хватает.

Явились японцы с папой, принесли початую бутылку "Samus", американские сигареты, разовые зажигалки, жвачку...

Мы уселись за стол. Японцы оказались вполне приятными ребятами. Являли своим поведением сложную смесь простоты и достоинства.

Выпили "Samus". Мне понравилось.

- Поговори с ними, - толкает меня в бок папа.

- О чём?

- О жизни.

О жизни! Простенькая задачка! На помощь пришли те же японцы. Они с папой с утра упражнялись в разговорном жанре. Скажу сразу: по-русски они говорили сносно, и в дальнейшем не буду прибегать к дешёвому приёму – коверкать их речь в русском написании.

- Сколько комнат? - спросил старший японец, Ямазаки.

Тут меня переключило: начал говорить по-английски. А английский мой таков, что заговори я на нём в какой-нибудь стране бананово-лимонной демократии, сорок лет назад избавившейся от британского владычества, меня долго бы били бамбуковыми палками, а потом сдали бы в качестве фуража на крокодиловую ферму.

- Ту, - говорю.

- Мало, - сказал Ямазаки, поглядев на моих детей. - Надо три.

- Вэлл, - говорю. - Будет.

Дальнейшие события показали, что моё заявление оказалось самонадеянной ложью чистой воды - я до сих пор живу в двухкомнатной квартире. Чему даже рад - нынешние коммунальные платежи меня бы доконали.

- У меня три, - сказал Ямазаки. - Везде - книги, книги.

- И у меня - букс, букс, - говорю. - Я Комацу читал.

- О! Комацу! - возликовали японцы.

Врал я бессовестным образом. Комацу этого я не читал по сей день и читать не собираюсь. Но японцы меня уже почти любили.

- Он - чиф! - показывая на меня, сказал папа.

Никогда не замечал, чтобы я являлся предметом гордости у своего родителя, а тут - на тебе:

- Он - чиф, его водитель возит.

Работал я тогда мастером в одной коммунальной шараге, и был у меня в распоряжении старьёй разболтанный "ЛуАЗ" и мой собственный кум в водителях.

- О! - сказали японцы. - У нас имеет водителя только очень большой чиф.

Видели бы они меня с кумом в нашей консервной банке по возвращении с какой-нибудь профсоюзной конференции.

Беседуем дальше.

- Ху из майн он ю фэмэли? - спрашиваю я у Ямазаки, бездарно нанизывая английские слова на русский стержень построения фразы.

А папе снисходительно перевожу:

- Спросил, кто главный в его семье.

- В это лучше не лезь, у них там сложно.

Но японец не обиделся, напротив. Откинулся на спинку стула, самодовольно осклабился и хлопнул себя по груди:

- Фазэ, фазэ.

Ещё бы, думаю, не "фазэ" - жена-то не работает.

Тут явилась моя мать, принесла бутылку водки: требовалось срочно спасти престиж русского застолья.

Японцы вопреки бытующему мнению пили хорошо, форы у меня с папой не брали.

Кое-как поговорили с Ямазаки ещё о том о сём. Второй японец, Ямада, увлёкся игрой с моими дочерьми. Те, поборов первоначальное стеснение, уже чуть ли не сидели у него на голове.

Получилась такая семейная идиллия с присутствием представителей японского капитализма. Инвестиций только не хватало.

Словом, посидели мы тогда неплохо. А под занавес вышел такой разговор.

- Мне нравится, как пьёт отец, - сказал Ямазаки. - Хорошо пьёт.

Я было задумался, чей это отец хорошо пьёт, но папа безошибочно отнёс комплимент на свой счёт:

- Разве я сейчас пью, - вздохнул он с видом, с каким обычно разговаривают ветераны-орденоносцы на встречах с допризывниками.

- Вот раньше я пил, - продолжал он тем же тоном, - а сейчас...

Папа махнул рукой и принялся загибать пальцы:

- Водка дорогая - раз, Горбачёв запрещает - два, высокое давление - три...

- Хайте блад прэшн, - зачем-то брякнул я.

- Не мешай, - одёрнул меня папа. Японец ткнул в меня пальцем, потом воздел его вверх и уважительно произнёс:

- Английски.

Я так думаю, что под конец до него дошло - на каком языке я разговаривал с ним весь вечер.

- ...Горбачёв запрещает - три, а четыре... - папа покосился на сидящую рядом мою маму, - Света-сан на меня...

И замаялся. В другом месте он бы припечатал словечко. И японец бы не постеснялся. Но здесь, за семейным столом... Рядом жена, дети, внучки. В общем, гиблое это дело - языковой барьер.

По-английски папа знал два слова: виски и пенальти. Поэтому, как это делается во всём мире, он прибегнул к языку жестов. Приложил два торчащих указательных пальца к вискам и закончил фразу:

- Света-сан на меня: му-у-у!

Ямазак понимает и кивал. Потом закурил и неожиданно грустно произнёс:

- Если я буду пить каждый день, моя жена тоже будет на меня: му-у-у!

Вот оно что! Вот, думаю, какой ты "фазз" - главный "он ю фэ-мэли".

Япония! Страна-легенда, страна, обогнавшая время. Невиданный технический прогресс, высочайший жизненный уровень, супер-технологии, унитазы, напичканные электроникой!..

А жёны-то, они повсюду - жёны: му-у-у!

ПРИКЛАДНАЯ СИЛА ПОЭЗИИ

Томню, Анка очень любила стихи. Нередко, легко взлетев на пик алкогольной экзальтации, она заводила с должным придыханием:

- Ты спрашивала шепотом:

"А что потом?"

А что потом?"

Надо признаться, благодаря ей, я и познакомился с евтушенковским эротическим шедевром. Хотя в голове у Анки царила невообразимая путаница, и автором «расстеленной постели» она почему-то считала Степана Щипачёва.

...Мы шли с Серёгой по вечернему городу, когда нам встрети-лась Анка, уже изрядно под шофе. Радость она продемонстрировала безграничную - только и слышалось заливиное: «Ах, мальчишки... и без наручников... в кабак!»

Уже и к тому времени мне довелось пообщаться с разными типами отечественного народонаселения, но и поныне не встречал я никого, кто был бы занудливее и опаснее, чем пьяная женщина. Впрочем, к Анке это относилось, пожалуй, косвенно. В каком бы

состоянии она не пребывала, скука в радиусе пятнадцать метров исчезала как понятие.

Сложность в тот вечер заключалась в другом – мы с Серёгой для того и ушли в город, чтобы поговорить о чём-то важном без свидетелей. О чём – теперь я уже не помню. Может быть, что-то неладное происходило в нашей компании, может быть, ещё что, но разговор намечался серьёзный и не допускающий отлагательств. И на тебе – Анка!

Тут-то и вспомнил я о её пристрастии.

- А ну-ка, Энн, расскажи стишок!

Ждать себя она не заставила.

*- ...Но вот идешь по городу,
несешь красиво голову,
надменность рыжей челочки,
и каблучки-иголочки...*

Мы с Серёгой продвинулись на полшага в решении своих проблем.

- ... "А что потом?

А что потом?" ...

- финально выдохнула Анка и возопила: - Ну, выпьем мы сегодня пару бутылок дрянного вина?!

- Ань, а давай ещё стишок!

С ефрейторским усердием она затараторила, но, не успели мы обменяться и парой фраз, завершила:

*- ...Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.*

Впервые мне не понравилась простота, ясность и краткость в изложении мысли.

- Ну? Так мы будем кутить сегодня? «Аист» ещё открыт! - она буквально трясла нас за грудки.

И тогда я нашёлся:

- Слушай, а поэму ты какую-нибудь знаешь?

- Знаю. «Сын артиллериста».

- Давай!

Анка вдохнула воздуха и начала:

*- Был у майора Деева
Товарищ - майор Петров,
Дружили еще с гражданской,
Еще с двадцатых годов...*

Далее можно было наблюдать такую картинку: мы с Серёгой шагаем по тротуару, беседуем, лбы наморщены – сосредоточены мы, в смысле, а в метре позади нас, несколько шатко, следует девушка, и по ночной улице разносится:

- ...Понял меня? - Все понял.

Разрешите идти? - Иди! -

Майор остался в землянке,

Снаряды рвались впереди...

Одним словом, поговорили мы тогда вполне спокойно и очень обстоятельно. А к Симонову я и раньше относился неплохо, а уж после того случая...

ПРОБЛЕМНОЕ

Пхоже, со стихами не расстаться,
Тора бы с этим примириться, но
Бросаю их, не дописав, как Надсон,
И неизвестен, будто Сирано.

Глумливое, тягучее засилье,
Набившее оскомину меню...
Стихи я то теряю, как Васильев,
То, как Довлатов, даже не ценю.

А мне бы, стерженя от азарта,
Все вирши, будто палую листву,
Сгрести и проиграть однажды в карты,
Как Ттушкин свою пятую главу.

И отыгаться и поставить снова,
Но брать уже деньгами - ай да плут!..
Жаль, за стишки и, будь он жив, Баркову
Сегодня и стакан не поднесут.

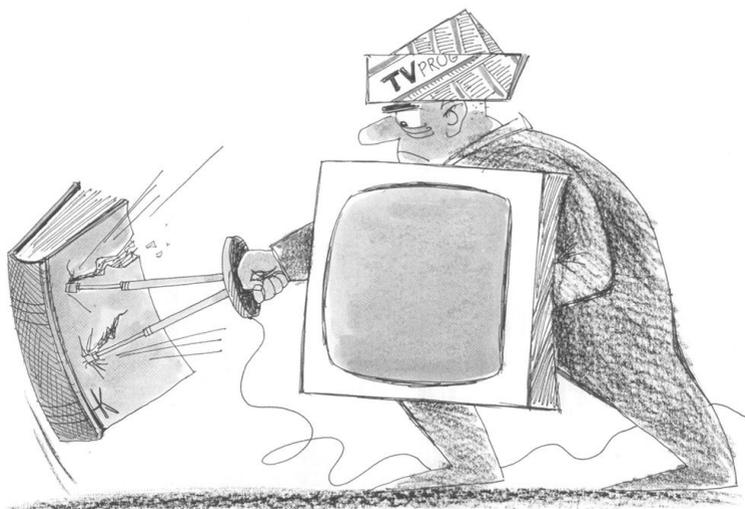
ВЕСЕННЕЕ

Наворочал я стихов гору,
Проза мёртвым залегла грузом,
Но в весеннюю привык пору
Под окном своим грести мусор.

Здесь сердечных мне не пить капель,
Рифмоплётства не пилить гири,
Здесь иметь бы мне запас грабель
Да лопату, да совок шире.

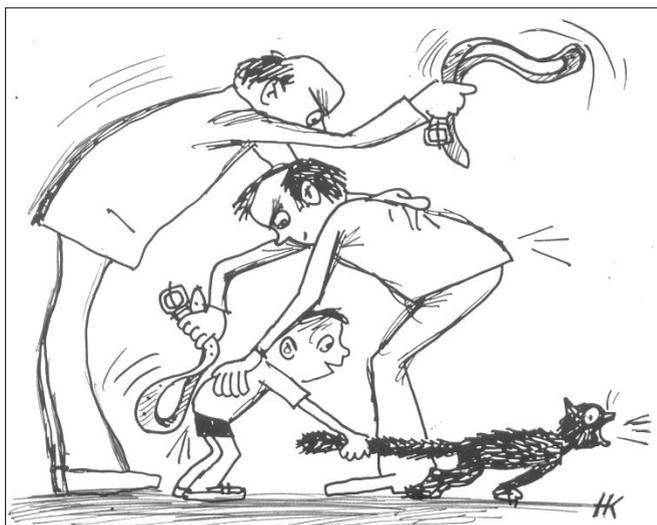
Сколько в строфы я заплёл чуши!
Можно будет посчитать к тризне.
Но не вылечил ничьи души,
Не исправил никому жизни.

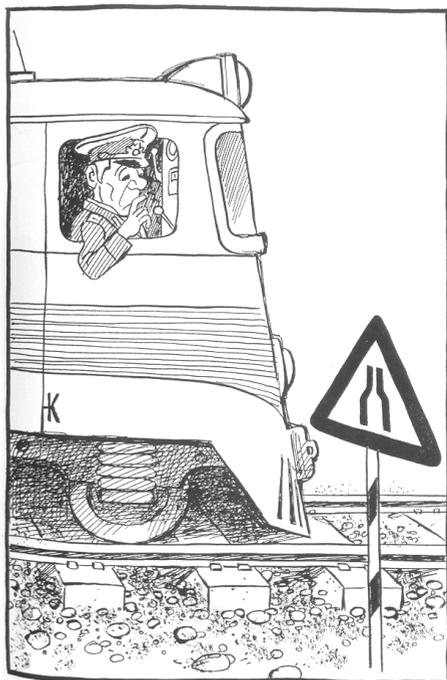
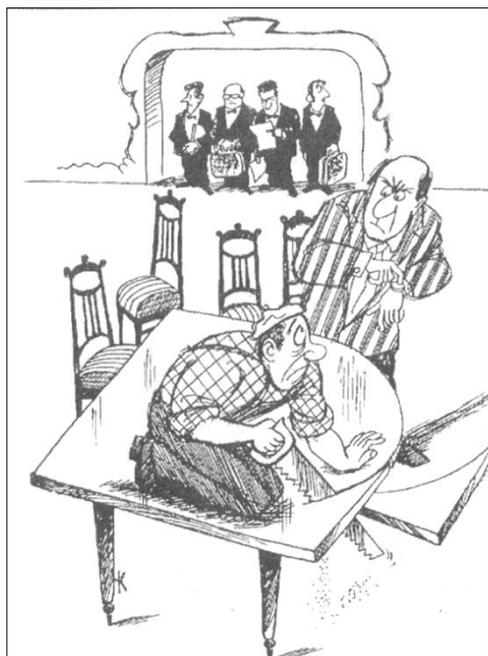
Что ж картонной фехтовать саблей!
Я стихи заброшу - кто взыщет?
И сломаю не одни грабли -
То-то станет под окном чище.

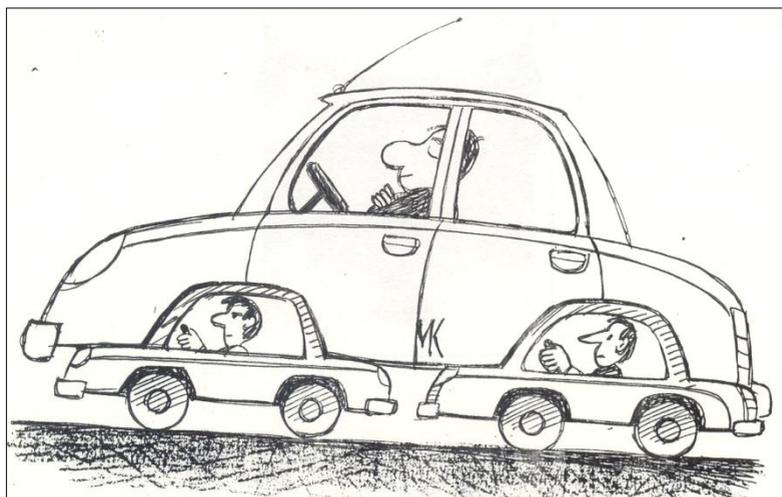

Николай КАПУСТА, 1938 г.р., Макеевка. художник-карикатурист, график, журналист. Заслуженный журналист Украины. Член Союза художников Украины, почётный член НСХУ. Окончил Луганское художественное училище по специальности скульптор. Работал редактором в отделе иллюстраций газеты «Жизнь». Участвовал более чем в двухстах международных, всесоюзных и республиканских выставках карикатуры. Имеет более шестидесяти призов на различных конкурсах карикатуры, как в Украине, так и за рубежом. Лауреат всукраинского конкурса «Золотое перо», 2007. Получил «Экселенс-приз» на конкурсе карикатуры в Японии, 2008.

☺ ~ Творческое объединение «СУЦВІТТЯ» ~ ☺

Юмор, пожелай, единственное изобретение, отличающее людей от скотов и других людей.

Станислав Леу

Юлия БОРОДЕНКО, 1949 г.р., Красноармейск. В течение всей своей жизни занималась разного вида творчеством. Писать прозу стала после ухода на заслуженный отдых. Рассказы и статьи печатались в Мариупольской газете «Публика» и в местных газетах. Рассказы публиковались в альманахе «Урина степу», в газете «Отражение». Написан первый роман «В лабиринтах судеб» и сборник рассказов, которые еще не изданы. Работает над новым романом «На все життя».

ЗАВЕЩАНИЕ

Телеграмма пришла утром, а через час мы с Николаем сидели в аэропорту в ожидании посадки в самолет и рассуждали, когда и как мы доберемся до Ольховки. Может быть, еще застанем батяню живым...

Мой старший брат Николай - ученый, а я бандит. Стал им после того, как отслужил в спецназе. Мы с ним реальные пацаны, хоть и такие разные, но я им горжусь и помогаю ему по жизни как могу. Я тоже не какая-то там шестерка. Сам пахан Ястреб после того, как я предупредил о готовящемся на него покушении и этим предотвратил его, сказал:

- Ну, Данило, я на всю жизнь твой должник. Иди ко мне в телохранители, не обижу!

Сдержал слово, не обижает...

Нам повезло. Добрались мы до Ольховки на следующий день под вечер. Батяня приготовил нам с Колькой два сюрприза.

Первый: когда мы приехали, он уже помер, мы с братом для приличия прослезились, намотали сопли на кулаки, все же батя наш! А про себя решили: пожил он хорошо, дай Бог каждому так! Считаю ровесник советской власти, а глядишь, пережил ее, окаянную! Вторым сюрпризом было завещание. Пожелал наш родитель, чтоб похоронили мы его рядом с нашей матерью, а это означало, что в Москве. Спасибо, что не в Амстердаме, Риме или Брюсселе. Это было бы сложнее. Написал нам в предсмертной записке: «Сынки, все пять лет тосковал по Авдотье, хотя при жизни шибко её обижал. Хочу, чтоб могилки наши были рядом. Авось простит меня. И вы меня за все простите!»

Да-а-а, задал нам батяня головоломку! Хоть и была у нас горькая обида на него за мать (померла ведь из-за него), да отпустили мы ему все грехи разом. Бог ему судья! Наше же дело - выполнить последнюю волю отца. Говорю Кольке:

- А ну, напряги свой компьютер, как повезем родителя в светлое будущее? На улице, чай, 25 градусов мороза по Цельсию, а до станции двенадцать километров. Словом, давай думать, как доставить покойника в Москву, а уже похоронить его нам будет намного проще.

По мобилке позвонил Ястребу, сообщил, что батя помер, в натуре, привезем его хоронить в Москву. Рассказал о завещании, попросил помочь с местом на Ваганьковском кладбище рядом с могилкой матери. Ястреб взял на себя все хлопоты по подготовке похорон, включая поминки. В начале разговора он предложил было:

- Данило, а хочешь, похороним вашего отца на Красной площади у Кремлевской стены? Ты же знаешь, я твой должник и для тебя все сделаю!

- Нет, - говорю, - надо возле матери. Да и ничем он в своей жизни не отличился, чтоб его у Кремлевской стены хоронить.

А он мне:

- Так сделаем его последним сподвижником Ленина. А хочешь, так мы и прах вашей матери перенесем к нему туда же?!

Я подумал-подумал и отказался. Решил, что скромность украшает человека...

На станцию повезли покойника в санях. Один коник остался в деревне, и тот шкилет, и на правую переднюю ногу припадает.

Ну, какой уже есть, выбора-то нам не дано, машина не пройдет - дорогу замело.

Вся деревня вышла проводить Кузьмича, отца нашего, в последний путь. Бабы завьли, мужики, пожелав ему царствия небесного, перекрестились и пошли третий день кряду поминать усопшего земляка.

Конек-горбунок еле копытами шевелит, хоть самому в сани запрягайся. Осталось километра два до станции, а он, злыдень, совсем занемог. Стал, как вкопанный, и ни с места! Что делать? Ежели опоздаем на поезд, уедем только через сутки. Посовещались мы с Николаем и решили, что сами дотянем гроб до станции. Иван - шурин нашел в санях веревку, привязали ее к гробу, запряглись мы с Николаем и потащили.

Вот когда посочувствовали мы старому мерину! А тут еще разгулялась пурга - света Божьего не видно. Что делать? Опоздаем ведь... Тут Николай и говорит:

- А давай, Данилка, вызволим отца из гроба и потащим его на руках! Весит-то он не больше сорока пяти килограммов. В гробу не дотянем. До поезда осталось меньше часа.

Во, башка у брата! Не голова, а Государственная Дума!

Сказано - сделано! Освободили мы батю, взяли его под руки и потащили на станцию. Потом я допер, что легче мне будет нести его на плечах. А он замерз на морозе, звенит как бубен.

Успели! Пока я брал билеты, Николай снял с куртки меховую пристежку и накинул ее на батю, а шею его замотал своим шарфом. Я же потом надел на него свою шапку и для пущей важности сунул ему в рот свою недокурную сигарету.

Так и садились в поезд - втроем. Хорошо, что проводником оказался сонный пожилой мужик, а не какая-то там мымра. Он нас вопросами не напрягал, только дедушку предупредил, что в вагоне курить нельзя. После этого забрал билеты, показал наши места и пожелал нам спокойной ночи.

В купе на верхней полке мы обнаружили «морского краба» в тельняшке. Мы с Колькой переглянулись. Нам такой сосед в самый раз - весь «в нуле». Батяню мы пристроили на нижней полке под морячком, стало быть, положили его на бок лицом к стене, прикрыли жилеточкой и сели напротив него передохнуть.

А тут «краб» проснулся. Говорит нам:

- Привет, братки! Меня Степаном зовут. Выпить у вас не найдется? Что-то в горле совсем пересохло!

Достали мы бутылку водки, подали ему на верхнюю полку. Он сразу же жадно присосался к ней, как голодный младенец к мамкиной груди, засосал половину из бутылки, моргалы выкатил проветрить, вареники растянул в улыбке, словом, враз стал жизнерадостным.

Я ему говорю:

- Степан, мы пойдем в ресторан поужинаем, а ты тут дедушку не тревожь, намаялся он. Разве попросит чего, так уважь, а будет все время спать, то не мешай ему, разговорами не донимай. Он этого не любит! Все понял?

Пока я Степана инструктировал, он уснул, крепко обнявши недопитую бутылку, и счастливо улыбался во сне.

Мы с Николаем пошли в вагон-ресторан поужинать, выпить и расслабиться. Не сидеть же нам все время возле покойника. Мы тоже сильно намаялись, надо было снять нервное напряжение.

Под утро мы возвратились в купе, глядим, а бати-то нет на месте! Степан сидит, нос повесил, виновато прячет глаза, как тот кот, который стянул со стола кусок сала, съел его и знает, что сейчас его за это будут бить, и по предчувствию - очень больно! Только вот морда-то у кота хоть и виноватая, но довольная, а у этого... как будто утешился кто-то, а морду будут бить ему.

Мы с Колькой были просто шокированы, спрашиваем его:

- Степан, а где наш родитель?

А он нам стал гнать фуфло, говорит:

- Дедушка целую ночь места себе не находил, крутился, стонал, вас, сынов, звал, шибко переживал, что долго не возвращается. Под утро встал и пошел вас искать. Вы разве его не видели?

Мы с Колькой онемели от такой наглости. Брат первым пришел в себя, он меньше меня пил. Говорит:

- Степан, может быть, ты дедушку того... укокошил?

Степан репу наморщил, шары выкатил, снова стал мутить баланду про дедушку, который пошел нас искать.

С меня хмель, как рукой, сняло. Думаю, этот мордобой, будь здоров, замочит кого угодно, не то, что старичка! Только вот Даниле баланду травить он не будет! Не таким хрюкало чистил, в натуре! Как заору на него:

- Ты, мурло! Ты что нам уши шлифуешь? Я щас тебе устрою электромясорубку, щас я с твоей «витрины» шницель с подливкой сделаю, на ребра обручи надену! А ну, колись, инквизитор проклятый, куда дел нашего бату?

Степан аж подпрыгнул с перепугу и расколослся. Вот что он нам поведал.

Под утро на перегоне поезд резко затормозил (не соврал, был такой момент). Степан упал с верхней полки, сильно задев старика. Тот, понятное дело, скандал не закатил и извинения не принял. Степан испугался, что сильно зашиб деда, потом решил, что старичок крепко спал и ничего не слышал. Прошло с полчаса. Дедушка не шевелился и, похоже, даже не дышал. Степан не решался разбудить соседа по купе и выяснить, как он себя чувствует? Затем все же спустился с верхней полки, сел возле него и стал тормозить, видит, что дедушке все сугубо фиолетово. И тут его поразила страшная догадка, что дедушка не совсем живой.

Степан, понуря голову, продолжал свою горькую исповедь, как перед алтарем:

- Жизнь враз показалась мне скучной и черной. Эх, думаю, жизнь моя - жестянка! Конец тебе, Степка! Если сынки не укокошат, так нарыт по тебе плачут! Хоть так, хоть иначе, а кранты тебе, Степан! И такая тоска-обида меня взяла. В жизни никого не обидел, жилы рвал, чтобы не пропасть в этом жестоком мире. Только отплавал, пришвартовался, жить нормально стал, семью завел, денег на машину скопил и на тебе - человека убил! И вдруг как будто чертик шепнул на ухо: «Выбрось деда в окно и концы в воду, а сам сойди с поезда на первой же станции». Недолго думая, я так и сделал. Повезло, что старичок был щупленький, не сопротивлялся, в окно полез без лишних углов и хлопот.

Сделал Степан свое черное дело, а облегчения не последовало. И чертик куда-то запропастился, никакой тебе поддержки!

- А тут, - говорит Степан, - и вы, сыночки-дубочки, пришли, а с вами значит и моя смертушка с косой. Не убивайте меня, братки! Готов понести любое наказание, только не сиротите моих детей!

Вдруг в голову ему пришла спасительная мысль - деньги! С надеждой в голосе он сказал:

- Ехал я покупать автомобиль, деньги на верхней полке в мешке под подушкой. Возьмите, все ваши!

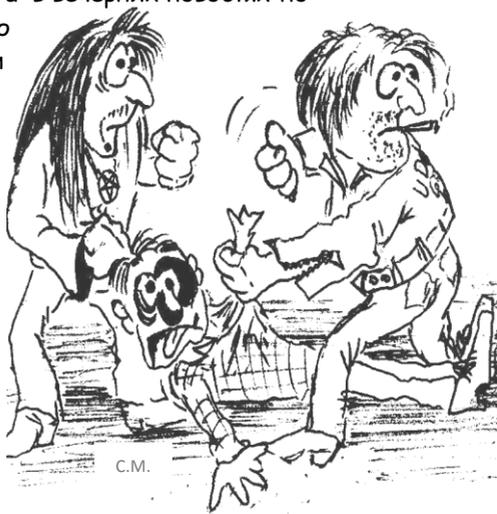
Что нам деньги Степана?! Сами-то мы не бедные! Батяню искать надо! И жизнь нам его не нужна. Мы тоже виноваты, что не поведали ему о покойнике.

Исправили мы свою ошибку. Рассказали Степке все как есть. Тот обрадовался, что его жизни ничто не грозит и предложил свой план действий по поискам нашего бати.

На рассвете вышли мы втроем на следующей станции, наняли мужика с машиной, нашли нашего горемыку-покойника. Хорошо, что Степан место его приземления запомнил - напротив большого кургана за переездом. Лежал наш батяня, подставив лицо под восходящие лучи солнца, как будто нежился на солнышке на белоснежной пуховой перине.

Степана мы отпустили с миром. Мы с Коляном на этот раз без особых приключений привезли отца в Москву. Ястреб обеспечил «зеленый свет» на всем дальнейшем нашем пути.

Отпели старика в храме Василия Блаженного. Прощения у него попросили за мытарства. Похоронили родителя нашего возле могилки матери скромно, как мы того и хотели. Правда, был караул и салют в честь покойного нашего отца - Ястреб с генералами договорился, а в вечерних новостях по телевизору коротко сообщили, что умер и сегодня был похоронен на Ваганьковском кладбище последний сподвижник Ленина - Озерцов Лука Кузьмич.

Людмила ЖОВНИР, 1940 г.р., г.Павлоград,
Днепропетровской обл. Жила и училась в Красноармейске, в
Родинском. С отличием окончила курсы медсестёр, участвовала в
самодеятельности, посещала изостудию. Работала на Чукотке.
Окончила Томский геологоразведочный техникум, училась в Мага-
данском политехническом институте. Вернулась в г.Родинское,
работала геологом на шахте «Краснолиманская». Пишет карти-
ны. Очерки и статьи публиковались в газетах «Донеччина», «Ма-
як». Автор книги «Счастливое детство Люськи и Райки», «За се-
верным сиянием», «Яскраві барви «Сузіття». Член Союза краєве-
дов и КЛУ.

НА ЮГУ

Рассказать я вам могу,
Как прекрасно на югу!

Я лежу на пляжу
И на море гляжу,
И на небо гляжу,
И на горы гляжу,
И направо погляжу,
И налево погляжу -
Всё тела да тела,
Во какие дела!

Я о яблоке молчу, --
Уронить пшено хочу,
Но такая вот напасть -
Некуда пшену упасть.

Днём цикады свиристыя,
Что-то рассказать хотят,
Да и ночью тарарам -
Тут и там, тут и там!
И поют, и кричат,
В барабаны стучат!

И вот так до утра,
А вставать уж пора,
Но свинцова голова.
Подниму - упадёт,
Подниму - и опять
Её тянет в кровать.

Только надо вставать,
Коврик брать и бежать
Место там занимать -
На горячем пляжу,
Где опять я лежу
Обожжённую спину чешу и чешу!

Чоловік дуже сумує за роботою...

Виктор ІВАНЧЕНКО, 1942 *р.*, с.Бойківка
Добропольського району. Живєт в і.Родинське, Красноармійського
району. Роботав на добыче строительного каменя, окончил училище
механізації сільського господарства и работав трактористом в колхо-
зе, на шахте «Краснолиманская». Учасник и лауреат поэтиче-
ських конкурсів. Публіковался в містній пресі. Выпустил сборник
стихов «І сміх, і сльози».

ДОПІК

Я ще трішечки зажду
Хай все заспокоється
І в письменники піду
Зразу після Троїці.
Все спокійно ніби йшло,
Так ото ж по радіо
Там якийся губошльоп
Кожен день нагадував,
Що в письменників мішки
Такі як і харі.
Їм за вартісні книжки
Платять гонорари.
Що вони там так живуть
Зі своїми кровниками!..
Ще й над яслами ревуть,
Як воли над повними.
Ну, а їхній голова
Їх ще й заспокоює -
Кожен тиждень разв в два
Гонорар удвоює.
Вже позверх їм там біжить,
Отакі в них книжечки.
Нам звичайно так не жить,
Як що й жить, то трішечки.
Так що, мабуть все, кінець,
Досить ати-бати.
Я купляю олівець
І учусь писати.

І почну аж з букваря,
Весь перекачаю,
Щоб не думали, що зря
Бабки получаю.

І вже в чесній боротьбі,
Років через пару,
Наклепаю і собі
Отакенну харю.

Досить пухнуть на воді,
Бач, які пірати.
Хай поpróbують тоді
Гонорар не дати.

Я «Суцвіття» кликну все
Собі на підмогу
І ми разом рознесем
Їм усю берлогу.

А якщо не замовчать,
Заженем на нари.
Не одним їм полчать
Такі гонорари!

МАМА МІЯ...

Ой, святая мама мія,
Люди прямо гаснуть!
Прийхатила пандемія
Й жіночку нещасну.

Всю ламає горемичну,
Піт із неї ляє.
Коло неї чоловічок
Лебідем кружляє.

Каже: «Ти моя синичко,
Моя люба пташко,
Що тобі подать, водички?
Чи зварити кашки?»

Не вставай, моя хворюля,
Я гляну, де крупи.
Якщо хочеш, наварю я
З голуб'ятком супу.

Ти лежи, не ворущися,
Бо собі наврочиш.
Я для тебе, моя киця,
Все зроблю, що хочеш.
 Я не буду ворущити
 Мою хлопотульку.
 Може, тобі накришити
 Капусту з цибулькою.
Все для тебе, моя Муся,
Я зробити можу...
Я ось тільки подивлюся,
Де лежить мій ніжик».
 Тобіг лебедем на кухню,
 Лебідка чекає...
 Коли чує, щось як гухне.
 ...Лебеда немає...
Прибіга. Як гляне. Боже!..
По хаті - крупище,
А в милого в руках ніжик,
І кров з пальця свище.
 «Ой, за що ж мені ця кара!?
 Ну що ж ти накоїв!?
 Не хватало нам ще зараз
 Мороки такої!
Мій ти голубе рідненький,
Що ж ти репетуєш?
Давай рученьку живенько,
Я перебинтую.
 Ой, нечиста ж ти пречиста,
 Що нам горя мало!..
 Іди краще ляж на місто,
 Там, де я лежала.
Дорогенький ти мій лебідь,
Іди, я благаю.
Я вже тут сама, як небудь,
Все поприбираю».
 Той побіг, живенько вклався,
 Як хворий в палату.

Тільки чуть, як роздавався
Стогін на всю хату.
І отож один лиш Бог зна,
Як він все благає,
Бо він там не тільки стогне,
А ще й причитає.
«Ой, який я став гарячий,
Рятуй терміново.
Скільки пролив я, ти ж бачиш,
Ради тебе крові!
В мене вже холодні й ноги,
Треба їх розтерти.
Все бросай там, ради Бога,
Бо я ж можу вмерти!
Що ти треш, як на манежі,
Моє серце раниш.
Ти дотрешся, що мене вже
Й живим не застанеш.
Ой, моя ти рідна нене,
Чом ти така вперта.
Та сідай вже коло мене,
Погладь перед смертю»...
Іще ж є такі хоробрі,
Що тиснуть на жалість.
Подивіться, люди добрі,
Яке чудо сталось.
Без швидкої допомоги,
Біс йому в печінку,
Чоловік підняв на ноги
Свою хвору жінку!

НА ЗУПИНЦІ

На зупинці у трамвая
У вечірню пору,
Стоїть п'яний, обіймає
Електроопору.

Тут іще десь такий взявся,
П'яний теж, як ...опа.
Дуже довго придивлявся,
Накінець второпав,

Підійшов, його погладів
По плечі рукою.
І розумною порадою
Друга заспокоїв:

-Он дивись, ти бачиш двері?
Кинь своє залізо,
Все одно з таким торшером
Ти в трамвай не влізеш.

БЕЛАЯ МУЗА

Был во главу святейшего угла
Вопрос ребром поставлен или - или.
Ко мне по пьяни Муза забрела
И мы с ней по душам поговорили.
 Она считала быстро: раз-два-три,
 Уже держал пистолью у виска я.
 -Ты только, парень, честно говори,
 Какой козёл тебя к Олимпу не пускает?
И где тобой объезженный Пегас,
Которого ты в юности стеснялся
И на котором въехать на Парнас
Ты позже, как окрепнешь, собирался.
 А ну давай их мигом всех сюда,
 Мы с ними разберёмся, мать вашу!
 Я им сейчас такое, друг, поддам,
 Они у нас с тобой ещё попляшут.
Достаточно сосать с тебя им сок
И в нашей жизни праздники бывають.
А сам смотрю, -- по машин поясок,
Гранчак мне самогонки наливает.

С огурчиком, всё то, что я люблю.
Ну, думаю, теперь держитесь, гады,
Да я вас всех в балладах утоплю.
Вот это Муза, та, что мне и надо.

Я вижу, что она ко мне с душой,
И пьёт со мной, а значит уважает.
-Да ты поэт, - мне говорит, - большой,
И ни за что тебя здесь унижают.

Да ты почти что как бубновый туз,
Тебе нельзя в созвездьях не светиться.

Да я их весь писательский союз
Распотрошу на мелкие частицы.
Всё это он, тот, что с тобой не пьёт,
Я дам ему по-свойски по затылку.
А сам гляжу, -- небрежно, достает
Вторую нераскрытую бутылку.

Вот это Муза, черт вас побери!
Вам в этом деле трудно разобраться,
Да с ней не то, что день поговорить,
Я с ней готов годами целоваться.

Я восхищался ею - вай-вай-вай,
Она красиво как-то поднялась:
-Давай, Витёк, по полной наливай
И мы с тобою дёрнем на Пегаса.

Я этот тост не мог не осушить,
В моих глазах всё радужно смешалось.

Я любовался ею от души,
Когда она спокойно удалялась.

И сразу после,
как она ушла,
Вмиг испарилась
вся моя заначка.
И я врубился -
это ж, блин, была
Моя родная
«белая горячка»!

Ирина КАРПОВА, 1957 г.р., с. Щеловка, Макеевского р-на Донецкой области. Живёт в Красноармейске. По специальности – инженер-теплотехник. Печаталась в газете ТЮ «Суцвіття», альманахе «Прекрасне місто Красноармійськ».

Вот в компьютерный отдел бабушка заходит,
Возмущённо говорит: -Коврик не подходит!
Не работает никак, хоть брала для мышки.
Продавец же обалдел, не поймёт, в чём фишка?
-Не работает? Но как, что же не подходит?
-Он неделю как лежит, но мышей не ловит!
Рядом паренёк стоит, чуть живой от смеха.
Да, курьёз из ряда вон, вот уж где потеха.
Он бабуле говорит: -Спутали немножко,
Ведь не ловит он мышей, нужен он в «прихожке».
-Да зачем же коврик тот мне ложить в «прихожке?»
-Чтоб когда шли мышки в дом, вытирали б ножки!

Восьмое марта. Всё прошло прекрасно.
Вниманье, поздравления, цветы,
После гостей – гора посуды грязной,
Жене уставшей – не до чистоты.
И муж ей говорит с такой заботой:
-Родная, отдохни, ведь праздник твой.
Ты лучше завтра утром до работы
Встань раньше и посуду перемой.

Я вырабатывать пытаюсь
Против любви иммунитет.
В аптеке средств таких не знают.
Да их там и в помине нет.

А как же жить с такой напастью -
В душе то буря, то полёт?..
Но вспомню Соломона, к счастью -
«И это тоже всё пройдёт»...

Подбегает дочь к отцу и целует в щёчку,
Просит денег, как всегда, одолжить в рассрочку.
Но спокойно ей отец говорит устало:
-Денег нет, меня уже мама целовала.

Муж не вовремя домой как-то возвратился,
У жены от страха дрожь, будто бес явился.
Осмотрелся, шкаф открыл, -- кто тут третий лишний?
Мужичонка там застыл, щупленький, притихший.
-Кто такой?

-Да Вася я, ваш сосед по даче...

Отметелил Васю он, и жену в придачу.
Но урок на пользу ей, видно, не сгодился:
Случай с Васей пару раз снова повторился.
Муж уже вошёл в азарт, Васю избивая,
А жена всё время врёт, что его не знает.
Вот опять с проверкой муж раньше заявился,
По привычке снова он к шкафу устремился.
А внутри амбал сидит, еле внутрь вписался,
Муж мгновенно дверь закрыл, к ней спиной прижался.
Подкосились ноги вдруг, весь вспотел, затрясся:
-Ж-жена, а где ж наш д-друг? Дор-рогой наш Вас-ся?!..

Олег КИСЕЛЁВ, 1974 г.р., Магадан, проживает в Красноармейске. Стихи публиковались в областной периодике, в сборнике «Неизвестные таланты» (Дружковка, 1997), в местных газетах. Работал на разных предприятиях города по разным рабочим специальностям, сейчас – на Красноармейском Динасовом заводе.

СОСЕДУ

Дрожит мой дом от стука, грома.
В окне - ни проблеска огня,
Закрты двери, значит, дома
В минуту эту нет меня.

И не показывай полбанки,
В стекло камнями звеня -
Я не открою. Ведь для пьянки
С тобой, несчастный, нет меня!

ПОЧТИ ЭПИТАФИЯ

-Герасим, Герасим, сказала Муму,
Я, что-то, Герасим, тебя не пойму.

Зачем меня в лодку к себе ты позвал?
Зачем мне на шею кирпич привязал?

Послушны, вы, вёсла, движенью руки,
И вот уже мы на середине реки.

Трепещет, ломаясь, полуденный свет.
Топить меня будешь, Герасим? О, нет!

Пощады, Герасим, пощады, поща!..
...Прощай же, Мумёныш, прости и прощай...

Бултых!.. И на глади затихли круги.
Бесславно и глупо Мумёныш погиб.

Напрасно так громко кричало Муму,
Навек погружаясь в подводную тьму.

Расслышать тот крик бы Герасим не смог,
С рожденья Герасим глухой, как пенёк...

О СЕБЕ

Талант мой не слишком огромен,
Да прямо сказать, не велик.
Я прост и порою не скромн -
Обыкновенный мужик.
 На громкое имя не падок
 И к славе спокоен весьма.
 Люблю, чтоб во всём был порядок -
 От свежих носков до ума.

Как волк, от досады не вою
По тёмным ночам и глухим.
Бывает, пишу я порою
Довольно плохие стихи.
 Естественно, выпить любитель,
 И женщины день ото дня
 Мою посещают обитель,
 Но утром идут от меня.

НИМБ

Раскладывая знамения, шараясь чертей в тёмных кустах, шла порой, близкой к ночи, набожная старушка Фекдулина. На местный холм взбиралась бабулька, вся в размышлениях о величии Божь-ем, в трепете и страхе о силе его и мышце его.

Тою же порой, тою же тропой, но с другой стороны холма, брёл навстречу Фекдулине пьяный Трокоп. Не шараясь чертей, раздавая налево и направо «знамения» из трёх пальцев, нёс он

своё брненное тело. И мысли его состояли из предметов, далёких от величия Господня.

А тем временем жирная и белая луна тяжело, как астматик, влезла на небо над холмом и засветила бабке Фекдулине в оба подслеповатых глаза. И возвела старушка очи горе, и рухнула на колени, накладывая на себя крестные знамена дрожащей рукой. Ибо стоял на вершине холма, слегка покачиваясь, словно в чём-то укоряя, муж в одеждах белых и блистающих, а над головой его сиял серебром, жидким пламенем, - нимб! И поползла старушка на коленях, посыпая голову дорожной пылью, и забормотала слова сокровенные, на такой случай припасённые, и...

Выругалась грязно бабка Фекдулина, когда шагнул к ней пьяный Трокоп из-под жирной и белой луны, когда шагнул и осенил знаменем из трёх пальцев, и икнул пьяным голосом, и ...

Всё тут!

ХИТРЫЙ КОЛОБОК

Жили-были дед и баба. Нищие-пренищие. В избе хоть шаром покати. В сарае тоже. Хотя нет, в самом дальнем его углу шар застрял бы в маленькой, горстей пять, кучке муки.

Вот походила-побродила баба по избе, сердцем поскрипела, зубами тоже, и решила. Муку от кизяков отсеяла и колобок испекла. А чтоб остывал побыстрее - на подоконник поставила. Но колобок - не дурак, - полежал маленько, и был таков. В ближайший лес подался. (Хотелось сказать: «ноги сделал», да откуда они у колобка-то?)

Вот катится он по лесу, катится, вдруг навстречу заяц.

-Колобок, - говорит, - колобок, я тебя съем!

-Не ешь меня тут. Прокатились ко мне. Там сарай крепкий, стены толстые. Никакой хищник не пролезет. Вот в сарае меня и съешь.

-Быть по сему, - решил заяц.

Отправились. Долго, коротко ли в пути были, только никто больше зайца не видел. Может, дед с бабой сожрали, а может, и сам где загинул. Лес-то большой, хищников много.

Как бы там ни было, только спустя некоторое время, катится снова колобок по лесу. Вдруг навстречу ему медведь.

-Колобок, - говорит, - колобок! Я тебя съем!

- Не ешь меня тут. Покатились ко мне. Там дед с бабой. Старые-престарые, немощные, дряхлые. Меня съешь, ими закусишь.

- Быть по сему, - решил медведь.

Отправились. Долго ли, коротко ли в пути были, только никто больше медведя не видел. Может, дед на рогатину взял, а может и сам где загинал. Лес-то большой, охотников много.

Как бы там ни было, только спустя некоторое время, катится снова колобок по лесу. Вдруг навстречу ему лиса.

- Колобок, - говорит, - колобок, я тебя съем!

- Не ешь меня тут. Покатились со мной. Там дед с бабой, у них курятник. Меня съешь, петухом закусишь.

- Быть посему, - решила лиса.

Отправились. Долго ли, коротко ли в пути были, только никто больше лису не видел. Может, дед забил, а может, и сама где загнула: лес-то большой, охотников много, а у них собаки злющие-презлющие...

Тут бы и сказке конец, да ведь это сказывается быстро, а дело медленно делается. Как бы там ни было, только спустя некоторое время, продала бабка на базаре в ближайшем городе шкуру медвежью да воротник лисий, да шапку заячью, да муки купила. Что-бы ещё колобков испечь.

Дело-то прибыльное...

ЕСЛИ ГОРА НЕ ИДЁТ К МАГОМЕТУ...

Однажды утром шёл по лесу Заяц. Хотя нет: шёл - это сильно сказано. С обвисшими ушами, с опухшей мордой, с шерстью, свалывшейся в отвратительного вида комки... От дерева к дереву перешагивался Заяц.

Может, у кого праздник в лесу был, а может и какая шабашка вчера подвернулась, только похмелье - вещь серьёзная.

Одним словом, ползёт Заяц по лесу, стонет, за голову лапами держится, вдруг глядь - в кустах бутылка. Вроде как полная. Обрадовался Заяц так, что глазам своим не поверил - мало ли что с похмелья примерещится. Но бутылку всё же открыл, понюхал - водка! И только приложиться хотел, как сзади Волк: челюстями щёлкнул, и нет Зайца...

...А ведь действительно, чего по лесу бегать, по кустам рыскать? Положил на видном месте бутылку водки, и сиди дождайся. А уж похмельный Заяц всегда найдётся...

ФРАЗЫ

Мыльные оперы - менты в бане.

☺

Земля притягивает? Нет. Отталкивает небо!

☺

Смерть - это когда у души начинается клаустрофобия.

☺

-Кому хлеб - голова, а кому и голова - хлеб, - саркастично улыбнулся киллер.

☺

Всем напиткам Змей Горыныч предпочитал тройной одеколон.

Андрей КОВТУН, 1938 г.р., пт. Межсвая,
Днепропетровская обл. Детские годы провёл в Красноармейске.
Учился в Запорожском пединституте, работал в пос. Балабино
Запорожской обл., где живёт и поныне. Пишет стихи и прозу.
Автор 3-х повестей, 4-х сборников поэзии, 2-х книжек для
мальшей. Член КЛУ.

ЗЕРКАЛО

В вестибюле стою,
И народ предо мною толпится,
Возгордиться бы мне,
Но засела тоска оттого,
Что мелькают во мне
Лишь чужие, случайные лица.
Чтобы их отразить,
Не должно я иметь своего.

КУКАРЕЧНОЕ НАЧАЛЬСТВО

Чего не встретишь на своём веку!
Уже не помню, где, в каком селенье
Жил-был Петух, любитель песнопенья,
Он обожал своё «Ку-ка-ре-ку».
Он мог кричать по три часа подряд,
И он был горд своим ретивым рвением,
Он думал, что в селе и стар, и млад
Должны внимать ему с благоговением.
Его причуды можно б перенести,
Не он один страдает этой хворью,
Но Петуху вдруг оказали честь
И выбрали начальником подворья.
И в тот же день, почистив свой кадык,
Приказ прокукарекать поспешил он:
Всей живности забыть про свой язык
И пользоваться только петушиным.
Пусть все теперь кричат «Ку-ка-ре-ку!» -

Коза и Гусь, Ягнёнок и Дворняжка,
И даже многосильному Быку
Языковую не давать поблажку.
Подворье взвыло: «Это жуть и мрак!
За что нам эти дикие напасти?»
Но наш начальник, если он дурак,
Ещё глупей становится от власти.
Он мнит себя уже превыше всех
И всеми свысока повелевает...
 А басня эта писана для тех,
 Кто Петухов на должность выбирает.

САПОГИ

Два сапога на свете жили-были,
Ходили в паре, ладили во всём,
Вдвоём и грязь дорожную месили,
И гуталином тешились вдвоём.
Но вот один, другого смерив взглядом,
Со странной спесью в задранном носке
Вдруг заявил: «Чего ты трёшься рядом?
Я не хочу напарничать ни с кем.
Хоть ты со мной одной и той же кожи,
Но позже шит, да и с другой ноги,
И скрипы наши не совсем похожи,
Мы разные, короче, сапоги,
А посему - иди своей дорогой,
А я - своей. И встретимся едва ль»...
И разошлись.
И что теперь в итоге?
В итоге получается мораль:
За городом на двух различных свалках,
Средь хлама, не сгоревшего пока,
Лежат в пыли, заброшены и жалки,
Два целых, но беспарных сапога...
Я шёл мимо того, который первый,
Он проскрипел злорадно и хитро:
«А ведь тому, второму, тоже скверно,
И это согревает мне нутро».

ЖАБА

В болоте Жабу выбрали в начальство...
Не знаю, чёрт был к этому причастен
Иль кадровый случился дефицит,
Но факт есть факт: она руководит.
Талантом Жаба явно не блистала,
И жизнь в болоте стала никуда,
Всё гнило там и тиной зарастало,
И скоро все увидели: беда!
-Менять её! - болото забурлило.
-Менять начальство!
Но не тут-то было,
Ведь Жаба полюбить успела власть
И властью этой пользовалась всласть:
По-царски ела и пила по-царски,
Мундир себе пошила генеральский,
Устраивала праздники, салюты,
А недовольных невзлюбила люто.
-Заткнуть им рты! - опричникам велела,
И те сейчас же принялись за дело.
Где рыком, где когтями, а где - жалом
Всех недовольных скоро поприжали.
Казалось бы, чего ещё желать?
В болоте, вроде, тишь и благодать,
Но Жабе этого уже казалось мало,
И новый циркуляр она продиктовала:
-Отныне пусть болотный весь народ
Мне всяческие почести орёт,
А кто особо Жабу уважает,
Тот пусть по-жабы квакать начинает!
И что ж?
Ондатры, цапли, кулики
Вылазят на трибуны-бугорки
И, позабыв все прочие слова,
Кричат одно-единственное: «Ква!..»
А что им делать? Жрать-то всем охота,
Не будешь квакать - выгонят с болота...

Вверху чужие птицы пролетают,
Послушают и так вот рассуждают:
-Видать, счастливо здешние живут,
Коль громко так и слаженно поют.

ПАУКИ

Давно-предавно, где-то в гуще веков
Была на планете страна Пауков.
Там люди, увы, хаты с краю лепили,
Поэтому власть Пауки захватили.
Из щелей, из схронов, не видевших света,
Они поползли напролом в кабинеты.
И бели они омерзительно-гадки,
И всюду вводили Паучьи порядки:
Цветущие степи, дома и плотины
Они затащили своей паутиной,
Всё то, что гармонией тешило глаз,
Уродством назвал высочайший указ,
А низость, измена, коварство и ложь
Там были усладой Паучьих вельмож...
В стране той несчастной не стало житья,
И люди бежали в другие края.
Дома опустели, поля заросли,
Весной не летели туда журавли.
Там даже вороны не строили гнёзд,
Вокруг - паутина на тысячи вёрст...
Давно-предавно без чумы и войны,
Не стало на свете красивой страны.
Такое всегда, к сожаленью, бывает,
Когда люди власть Паукам уступают.

ПОДШИПНИКИ

Жили дружно шарики в подшипнике,
Чтили труд и знали ремесло,
Не было ленивых и паршивеньких -
И крутилось мерно колесо.

Владимир КУТЯЕНКО, 1946 г.р., Мурманск. Работал на различных должностях на ж/д транспорте, на угольных шахтах Донбасса. Печатался в газетах и журналах Дилитрова, Красноармейска, Донецка, Харькова, Луганска, Кисева, Ашхабада, Москвы. Автор более 20 поэтических сборников. Руководитель литстудии «Мрія» при газете «Маяк». Член КЛУ.

ПЕГАСУ

Снова
Слово
Снова
Дело.
Слово было -
Улетело.
Если было,

Да уплыло,
Знать, оно
Пошло на мыло.
Ну а с мыла
Взятки гладки.
И кобыла
Тоже смылась
Без оглядки!

РЕКВИЕМ КОМАРУ

В ладони тишины
Упали с тихим звоном
Две ноты с вышины,
Подвластные законам.

Всего две ноты «ля»,
Как писк, как шорох крыльев -
То песня мотыля
Взлетала с водной пылью.

То взвил, как вихрь, комар,
Любитель тел и крови...

Он был размером мал,
Но сильно беспокоил.

При чём здесь - был да был -
При том, что сильно жалил!
А я его убил,
Чтоб больше не скандалил.

ОПТИМИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ

Жена уехала в село -
Увидеть маму, то есть тещу...
А я один - мне повезло -
Пью пиво под таранку тощую.

Гуляю. Денег уже ноль.
Но вот вопрос - что завтра лопать?
Картошка есть, а хлеб и соль
Смогу у свахи заработать.

Итак, вперёд! Вопрос решён -
Проблемы нет! - есть пиво, водка,
Таранка... Вроде, хорошо...
Да вот не лезет закусь в глотку.

Сюда бы друга иль врага -
Лишь было бы с кем постучаться...
Поспорить или поругать
И до полуночи прощаться...

Но тих мой дом, и тишина
Давно уж караулит окна.
И только верба да луна
Ещё заглядывают в стёкла.

Один. Как месяца рожок,
Один - на всём на белом свете...
Тосклива ночь... Но хорошо,
Что мне ещё удача светит.

Что мне ещё плывут в стихи
Дожди и солнце, тишь и ветер,
Любовь и радость – со строки –
Лишь красной... Чтоб весь мир заметил.

Чтоб он не умер, а ожил –
Плясал закатом и рассветом,
И в наших душах ворожил –
И осенью, и жарким летом!

НА ОХОТЕ

В синем тумане,
В осеннем лесу,
С бутылкой в кармане
Иду на лису.

Бьётся о бёдра
Приклад ружья,
Шествуют бодро
Мои друзья.

Вот и лисица
Махнула хвостом...
Опохмелиться б?...
Убьем потом...

ПОСЛЕ РЫБАЛКИ

Двадцать пятое. Февраль.
Только что с рыбалки:
Ни поклёвки и ни краль –
Скучно, ёлки-палки.

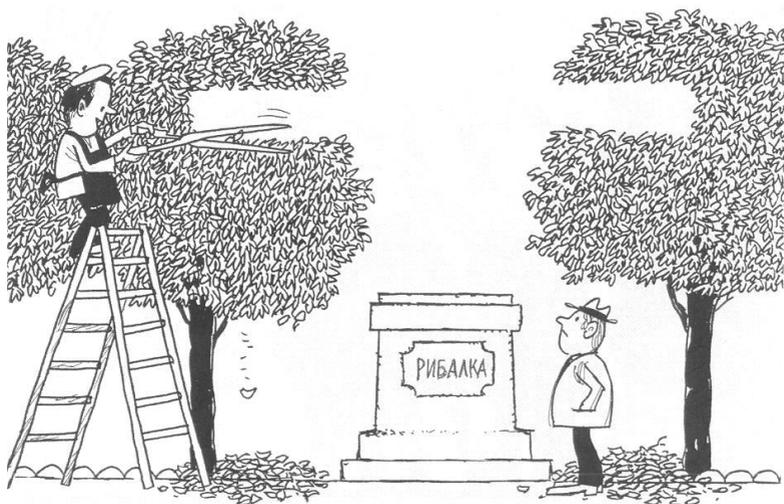
Завалюсь-ка на диван,
Водочкой согреюсь...
Не берёт! Налей, Иван!
Есть ещё, надеюсь?..

Телевизор не включу,
Почитаю книгу.
-Есть хочу! - кричу, ворчу,
А покушать - фигу.

Не несёт жена мне борщ
И салат к второму...
Засыпаю, зол и тощ,
Только храп по дому.

Отдохнул. Луна в окно
Дышит лунью сладко...
Стол накрыт. Жена давно -
Друг и шоколадка...

И опять пора поспать,
Было всё так вкусно...
Раздеваюсь - и в кровать,
Чтоб не стало грустно.

Валентина МИХАЙЛЕНКО-

РУДЬКОВСКАЯ, 1953 і.р., п.Уруп Краснодарського краю. В 1955 родителі переселилися в Красноармійськ. Закінчила Краматорський машинобудівельний технікум. Працювала страховим агентом; майстром, начальником цеху, інженером-механіком на заводі «Металіст»; інженером охорони праці та ТБ в районному вузлі зв'язі; нині – приватний підприємець. Пише поезію та прозу, які публікувалися в газетах, журналах, альманахах Донбасу. Була автором та ведучою літературної «По сходах у Валентини» на ТБ «13 канал».

СПОГАД

Лірична гумореска

За вікном весняний вечір. Вишнева гілочка стиха постукує у шибку, нагадуючи, що вже весна, довгождана весна... І вже ніщо не зупинить її. В кімнаті тепло і затишно. Дивлюсь на чоловіка, що схилився над робочим столом, на його ледь прихвачені паморозом сивини скроні, згадую далеке літо, від якого нас віддаляють роки.

Коло їхнього села був ставок. Хоч і далеченько було, але щоліта ми з дівчатами їздили туди. Одного сонячного дня знову зібралася вся наша дівоча в Гульовому, біля ставка. Пробули там майже півдня, коли дивлюсь, аж неподалік гульовськи хлопці з'явилися, і мій Анатолій між ними. І не знаю, яка сила подіяла, але вирішила пройти мимо них.

Іду наче у сні. Було на що подивитись: наче пан з-за кордону, волосся у милому безладді, бриль широкополий набакир, справжнісіньке сомбреро (бабуся сама сплела), на носі великі темні окуляри, а в руках сумка. Ох і поважно ж як! Проходжу мимо і вітаюся, бо хлопці ж всі знайомі. Вони відповіли, а Анатолій відвернувся. Мене наче крижаною водою облили.

«Стривай же, вражий хлопче, - думаю, - ти зараз в мене не тільки заспіваєш, а й затанцюєш», - недарма ж я цілу зиму у місті до

басейну ходила. Іду берегом і мало не плачу, а за спиною парубоцькі погляди відчуваю.

Над ставком похилилась величезна, підмита водою верба. Кинула я сумку і подерлась на неї. Занесло мене на самий верхечок. Глянула вниз: від дівчора вода аж кишить, і пеньки від верб чорніють, голова запаморочилась. В цю мить гілка піді мною хитнулась, і я, не втримавши рівноваги, полетіла вниз головою.

Випливла аж на середині ставка, якісь плавці тільки очима блимали. Попливла потихеньку, вийшла з води на берег, аж хитаюсь, в голові все крутиться, дзвенить. Прийшла до дівчат, лягла на пісок, а Галька Чернишка і каже: «Чи ти здуріла? Оце так налякала усіх!» хвилин п'ять пройшло, коли чую, в тій стороні, де верба, -- лемент, народу зібралось... Терелякалась: може, з Анатолієм щось трапилось? Хутенько з дівчатами побігли туди. Хлопці гульовські враз у раз пірнають, а Анатолія не видно. Нараз мій Анатолій з води появляється. горечко, що за вид!

У водоростях, як Нептун, чорний від мулу. Я й рота розкрила, а тоді питаю:

-Чи ви тут золото на дні шукаєте?

Анатолій дивився, дивився, а тоді як кинеється до мене: «Кохана моя, Танюшо, я думав, що тебе вже живою не побачу!»

Ось як буває в житті. І згадуючи той день, я посміхаюсь і не можу відвести очей від посивілих скронь свого коханого чоловіка.

Улыбнулась я слегка:

Вижу - два снеговика.

Первый - внук, а кто второй?..

Его папочка родной!

-Я - зайчонок, я - ежишка!

У меня иголки!

Ах, любимый мой малышик

Спрятался под ёлкой.

Мы играем с внуком в прятки,
Топаем, как слоники.
Не волнуйтесь, всё в порядке,
Заснимайте хроники!

О КОТАХ

Женщина с жаром рассказывает подруге:

-Представляешь, мой котяра где-то прошталался всю ночь! Я обошла все дома в микрорайоне, голос сорвала, а он, негодник, только утром заявился.

-Вот это да, неужели и моя жена так обо мне говорит! - задумчиво проговорил рядом стоящий мужчина.

-Ну, не знаю, что вы имеете в виду, а у меня просто сиамский кот гуляет!

Виталий МИХАЙЛОВ, 1971 г.р., Феодосия, живёт в Красноармейске. Председатель Красноармейского творческого объединения «Суцвіття». Член КЛУ. Публиковался в периодике, коллективных сборниках, альманахах Украины. Автор двух книг стихов. Участник сетевого лито «Стражи Весны» г.Торловка. Участник и лауреат разнообразных фестивалей.

Признаюсь, что сильно огорчаюсь,
Никого при этом не виня -
Женщины, в которых я влюбляюсь,
Часто не влюбляются в меня.

ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Дед Мороз, я в ночь чудес
Прошу, хотя желаний масса -
Подари мне «мерседес»,
Но представительского класса.

Не в деньгах счастье, человеке.
Есть много ценностей других.
Но размышлять с деньгами легче,
Что счастье всё-таки не в них.

Ах, как хорошо на душе,
Стали звёзды намного ближе,
Ведь с милым рай и в шалаше,
Если этот шалаш в Париже.

ВЕСКИЙ ДОВОД

Давно подметил, и это точно,
Мой веский довод вас убедит -
Чем чаще женщина стонет ночью,
Тем реже днями она ворчит.

ТРИ ВЕЩИ

Видимо, я не открою Америки,
Если выдам секрет, что умеет жена
Владеть в совершенстве вещами тремя:
Закатывать глазки, банки, истерики.

ПОЭТ

Один «поэт» был очень рад,
Что существует плагиат.

БОЛЬШАЯ РАЗНИЦА

Между прошлым и сегодня
Две большие разницы:
Раньше лица были в моде,
А сегодня - задницы.

Л.Жовнир

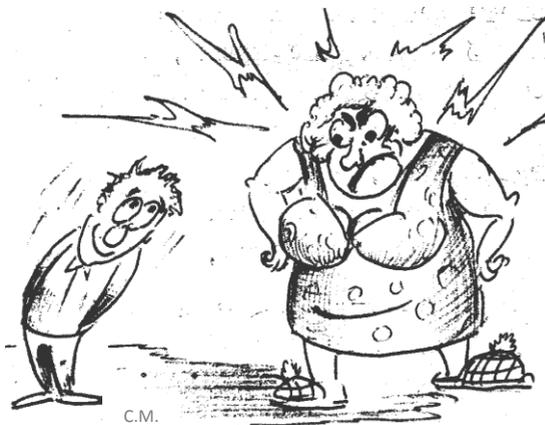
Опять над миром ты паришь,
Куда уж тут угонишься:
Брюссель, Венеция, Париж,
Никак не остановишься.
Теперь святые вот места,
Не правда ли, красивые,

Остались в прошлом, ну а я
Мечтаю с новой силою:
Париж, Венеция, Брюссель...
Вот помечтал, и ладушки...
Поеду лучше в Коктебель:
Недорого и рядышком.

СОВЕТ ПРИЯТЕЛЯ

-Дружок, что смурной? Вновь достали заботы?
-В безденежье, видишь ли, дело, приятель.
-Так значит, устройся на две ты работы,
Глядишь, деньги некогда будет и тратить.

Похожа на атомный ты реактор:
Вспыхнешь без повода вдруг до кипения!..
Чтоб ангельский мне сохранить характер,
Дьявольским я обладаю терпением.

Владимир РЫВАЛЬЧЕНКО, 1943 г.р.,
г. Краматорск Донецкой (Сталинской) обл. Учился в Дружковском и Рутченковском горных техникумах. Работал на угольных предприятиях Донщины, также в металлургической, строительной, сельскохозяйственной отраслях. Шахтостроитель. 1974-76 – работал на Шницбергене. Творчеством занимался с юности, выйдя на пенсию, вернулся к юношеским планам. Пишет рассказы, повести, публицистические эссе.

ЖИЗНЬ КАК АНЕКДОТ

С какого-то момента мне не дают покоя лавры Жванецкого. Я понимаю, что многие могут сказать: «Во! Дед даёт. Ни стыда ни совести». Но поспешу вас, уважаемые, успокоить – да я же завидую ему белой завистью, что ни на есть, белой – белее не бывает. Завидую ещё немногим поэтам, а поэтам-сатирикам в особенности. Казалось бы, в этом случае, и завидовать-то нечего. Я, ведь, не поэт. Не дал мне Господь талану на этом поприще, не клеится у меня рифма. Ни муза Эрато – муза любовной поэзии, ни муза Эвтерпа – муза лирической поэзии, при моём рождении, видать, не посмотрели в мою сторону. Скорее всего, у них в это время была тусовка, и им было не до меня. Правда, зацепила меня своим крылышком Мельпомена, муза трагедии, но так легонько, как крылышком мотылька, что меня хватило только для игры в школьных спектаклях. Так что, Пегаса я так и не смог оседлать.

Но поговорим сейчас о сатире и юморе. Кто-то из великих сказал: «Красота спасёт мир». Я могу с уверенностью сказать, и любовь не хуже справится с этой миссией. Но смогу с твёрдостью утверждать, что не последнее место в этом процессе занимает сатира и юмор. Да, да! Юмор и смех, господа. Потому что юмор вызывает смех, а смех, как вам, наверное, известно, продляет жизнь. Чем больше человек смеётся, тем дольше он проживёт. Насколько – не знаю, но очень намного, господа. Так смейтесь же на здоровье, в буквальном смысле этого слова.

Но вернёмся к Михаилу Жванецкому. У меня к нему бо-о-льшие претензии. Мне кажется, что он отобрал у меня кусок хлеба, и

очень большой, да ещё с маслом, а это не шутка, господа. Судиться с ним я, естественно, не собираюсь. Как можно судиться за то, чего уже нету? Понятно, что тот кусок хлеба с маслом он давно уже съел и теперь у меня задача, чтобы у меня не отобрали кусок хлеба, но уже с икрой. Не важно, с какой - красной или черной. Но тут уж, что моё, то моё и я не намерен ни с кем делиться.

Так, это я о чём, или о ком? О Жванецком? Ладно, господа, Жванецкий подождёт. Теперь поговорим обо мне. Я ведь не собираюсь умирать от скромности. У меня, в мои семьдесят лет, жизнь только начинается. А раз это так, то поговорим о женщинах. Говорят, хорошая погода - это аномалия между холодной и дождливой погодой, а хорошая, я подчеркиваю, хорошая жена - это аномалия между женитьбой и разводом. Я надеюсь, мужчины со мной согласятся. И тут был бы уместным анекдот. Мужик развёлся со своей женой по причине её измены. Но, как известно, свято место пусто не бывает. Через некоторое время (жизнь, ведь, берёт своё), познакомился с другой женщиной. Проходит время. Закончился букетно-конфетный период. Женщине надоело ждать, когда ей сделают предложение руки и сердца и она открытым текстом мужику прямо в...

-Возьмите меня!

Мужик внимательно посмотрел на неё, подумал немного и отвечает:

-У меня ещё не отпали рога от первого брака, а вы предлагаете жениться на вас. Знаете, милая, две пары рогов мой лоб не выдержит.

Вот такая она жизнь. И мужик крепко усвоил её правила. Но это так - к слову.

А вот, как-то, в мужском разговоре, какой-то идиот однажды сказал:

- Быть душой для женщины естественно в любом возрасте. Ха-ха-ха! Я недаром назвал его идиотом. Вот, кто мне скажет, какого рода слово несчастье? Мне сразу же скажут - среднего. А фигушки! Слово несчастье, что ни на есть, женского рода. Я вижу осуждение и несогласие в глазах наших милых женщин. Но вспомните Библию. Вспомните змея-искусителя и то, красивое, сладкое яблоко. И кто уговорил Адама откусить от этого греховного плода? Правильно - первородная наша прародительница, Ева. А она какого пола? Правильно - женского. А вы говорите, что несчастье

среднего рода. И с тех пор пошло-поехало: любовь, измены, разводы и даже убийства. Правильно кто-то сказал, что любовь – это стихийное бедствие. Правда, бывают и исключения. Вот все, наверное, знают легенду о Пигмалионе и Галатее? Это же, как надо стукнуться головой, чтобы придумать вылепить себе из глины невесту? Как будто ему других баб мало было. Так мало того – ещё и дуть ей в рот. Есть такой, реанимационный приём в медицине. А как же ещё можно было привести её в чувство? Вот вы попробуйте кусок сырой глины оживить, да и высушенной – тоже. Не пробовали? Не советую. Это же, сколько потом нужно всего? Перво-наперво – одеть. А в наше время это не так-то просто. Они же простой одежды не признают, я имею в виду современных Галатей, а только от кутюр. Смекаете, во что вам это обойдётся? А всё остальное? Сказать? Хорошо, записывайте. Косметику надо? Надо. Шубу надо? Надо. А разные там спа-салоньки, фитнес-залы, бассейны и так далее. А, потом ещё, отдых на Бали (все мечтают побывать на месте Волочковой), шопинг в Париже. О, Господи, да что только не взбредёт в их красивые головки. А ещё одна статья расхода – машина. Современная Галатее хочется дорогую иномарку, да ещё и с личным шофёром. О, несчастный Пигмалион! И зачем ему всё это было нужно? Придётся ему теперь лепить ещё и рога, да не простые, как у козла, а большие, ветвистые, как у лося. И кто теперь будет утверждать, что женщины глупый народ?

Какой-то умник сказал, кто сумеет проникнуть в душу женщины, тот гений. И много вы видели этих гениев? Что-то я в обозримом прошлом и в настоящем таких не наблюдал. И пора уже давно признать, что выражение – чем больше завиток в волосах женщины, тем меньше извилин у неё в голове – уже не актуально, и не правильно по сути.

Опять же возвращаюсь к гениальности. Мы, мужчины, часто задаём себе вопрос, о чём думают женщины, не зависимо от того, где они и чем они занимаются? На работе ли, готовят ли на кухне, занимаются детьми, или занимаются с нами любовью? О чём они думают? Если бы мы могли знать хотя бы четверть их мыслей, мы, мужчины, владели бы миром. А так нам ведомо, возможно, только 0,1%, да и то, не ведомо, а только мы догадываемся. А кто-то ещё утверждает, что женщины глупый народ. И, вообще, советую мужикам – никогда не ставьте любовь на карту, кто любит, тот всегда проигрывает. Будьте и в любви прагматиками.

Вот вы никогда не задавали себе вопрос, почему, когда девушки выходят замуж, они из прекрасных бабочек превращаются в злых гусениц, которые из нас, мужей, выют коконы, а мы эти коконы стараемся обустроить поуютней, конечно, под чутким руководством наших милых женщин? А вы говорите, что женщины глупый народ.

По своей природе, женщины любят поговорить о человечности, но это только в том случае, если уходят от них. Сами же оставляют мужиков просто, без затей, словно смахивают камушек в воду - только что был, а теперь нет, даже «буль-буль» никто не расслышит. А мы же, мужчины, несмотря на возраст, всегда остаёмся детьми, в душе у нас всегда цветёт детство. Нам хочется, чтобы нас жалели, чтобы нас любили и не обижали. Да! Да! Не обижали. Вы что, не верите? А что в этом плохого?

Да, к сожалению, для многих мужчин красивые женщины, как дорогие ювелирные украшения. Они красивы, они нравятся, но купить нет возможности в связи с их дороговизной. Так что, дорогие женщины, сбросьте цену, станьте доступнее нам, простым мужикам. Ведь мы вас любим такими, какие вы есть и других нам не надо. Но, всё же, мы осознаём, что женщин, как смысл жизни, понять невозможно.

Вот отсюда и все наши беды. И самая большая наша ошибка та, что мы позволяем манипулировать собой тем, кого любим. Особенно это опасно в зрелом возрасте. В этом возрасте и любовь, и чувства совсем другие. Намного острее, чем в молодости. Потому что в этом возрасте каждый прожитый день, как последний и человек спешит, спешит получить ту частичку земного счастья, которая досталась ему. Время не ждёт, не ждёт и счастье. Вот так. Но и со счастьем нужно быть осторожным. Перефразируя поговорку, можно сказать: счастьем можно отравиться. Его не может быть бесконечно много. Бесконечное счастье - это, как стоячий водоём. Сначала на нём плавают лебеди, потом, постепенно, поверхность зарастает водяными лилиями и всевозможными водорослями. И, в конце концов, прекрасное озеро превращается в стоячее болото, которое засасывает всё глубже и глубже. Как в природе, озеро должно подпитываться свежими водами, над ним должны проноситься бури и ветры, перемешивая его воды, так и в жизни должны происходить всевозможные, жизненные перипетии, чтобы жизнь не превратилась в стоячее, гнилое болото.

Опять меня понесло не туда. Опять меня попёрло в философию. Но я, всё же, напоследок хочу подытожить. Хорошая жена должна быть, как инспектор ГАИ - уметь ни за что прицепиться, забрать деньги, нагрубить и тебя же оставить виноватым.

Да, вернёмся опять к Жванецкому. Скажете, а причём опять Михаил Михайлович? А это я сейчас объясню. Начну с того, что человек, который не научился удивляться до самой глубокой старости - счастливый человек. Это человек, который вытянул выигранный билет в своей судьбе.

Когда ты молодой, ты многого не замечаешь. Ты спешишь жить. Жизнь, полная ежедневных забот, не дает возможности видеть многое, видеть прекрасное. Этому могут научиться только люди, переступившие определённый возрастной рубеж. Тогда перед человеком открывается многое. Он начинает замечать то, что в молодости не привлекало вовсе или проходило мимо его взора в связи с вечной занятостью. Это полёт птицы, жужжание шмеля, закат солнца или вообще - солнца, как такового, независимо от того, светит оно зимой, летом, весной или осенью, ведь оно всегда остаётся солнцем.

В детстве человек мечтает, потом, взрослея, он откладывает свои мечты в дальний ящик. А уже ближе к старости, время от времени, он их достаёт и любит ими. Ему всё тяжелей и тяжелей закрывать этот ящик с мечтами. И вот наступает время, когда он начинает прикасаться к ним, и гладить свои мечты. Не все, конечно, а только самые любимые, самые яркие. Он оставляет их на ночь под подушкой. Они начинают ему сниться, а потом, постепенно, начинают осуществляться, но только в том случае, если человек всё ещё верит в них. И тогда рождаются рассказы, поэмы, повести и даже романы. Да, уважаемые - романы. И осуществляется то, о чём мечталось в детстве, желалось в юности, что не успело осуществиться в зрелые годы.

А Жванецкий? Что, Жванецкий? Он, надеюсь, простит меня за то, что я занялся плагиатом. Нет, нет! Не его произведений, а его манеры изложения. Конечно, мне далеко и далеко до его таланта, но ориентир ведь должен быть какой-то? И в данном случае, не самый худший. Вот и я пытаюсь хоть какую-то малость позаимствовать от его таланта. И это, как в том анекдоте. Солдата спрашивают:

-Эй, солдат, ты девок любишь?

-А как же! Люблю.

-А они тебя?

-И я их.

Так и я люблю Жванецкого. А он меня? О! Это вопрос. А вот и ответ - и я его. И так будет всегда. Главное - это проникнуться его духом. И если талант у вас есть хоть в маленькой дозе, то, в конце концов, вы забеременеете. И это будет уже талант ваш, вами выношенный и вами рождённый. И пусть он будет в чём-то похож на вдохновителя. Но это естественно - дети всегда похожи на своих родителей. Но это уже будет ваш талант, и ничей больше. Так что, дерзаем, друзья!

Рис. Александра Сергеева

Нина СТРЕМЕННАЯ (Суховой), 1938 г.р.,
г.Шахты Ростовской области. В 1941 вместе с семьёй переехала к родственникам в г.Макеевку. Росла, училась, работала на Донбассе. Окончила вечернюю школу рабочей молодежи в г.Новоуродовка; Ростовский библиотечный техникум. Была рабкором городской газеты «Маяк», где печатались и её стихи, а также в газете «Шахтер» г.Димитров, в журнале «Библиотечка» г.Москва. Публиковалась в коллективных сборниках, в донецком журнале «Отражени».

О КРАСОТЕ И МОДЕ

Гуляла зебра вдоль забора
И заговорила разговоры:
-Где видели ещё такие
Рисунка линии прямые?
Модель последней моды всё же
Ничем, никак со мной не схожа.
Какой новинкой там блистают?
Одни лишь кости громыхают.
Никто не славится красою,
Лишь мы с подружкой свиньёю!

ОСТАВАТЬСЯ СОБОЙ

Труба, торчащая на крыше,
Вдруг закричала: -Я всех выше!
Со мной в делах должны считаться,
В почтении мне поклоняться!
Тут ветер вдруг подул внезапно,
Чтоб пыл её умерить как-то.
И хоть труба не зашаталась,
Но всё ж безмерно испугалась.
-Беру свои слова обратно,
Погорячилась, вероятно.

Уж вы трубу простите, братцы.
Собой нам лучше оставаться.

ПОДЕЛОМ

Квочка по двору гуляла
И цыпляток созывала:
- Вы куда, куда, сыночки?
Не ходите туда, дочки.

На дороге - вам опасно.
На асфальт бежать - напрасно.
Лучше вам идти сюда бы.
Здесь окрепнет самый слабый.
Травку, детки пощиплите,
Тем себя вы укрепите.

Червячка сейчас добуду,
Есть его сама не буду,
Вам он, думаю, нужнее.
Ничего не пожалею,

Мама ваша я такая
Вас любя, вам потакаю.
Наблюдала за всем кура:
- Ты, подруга, просто дура.

Лишь цыпляток только любишь,
Так себя совсем погубишь.
Ну зачем тебе детишки,
Все их грязные штанишки?

О себе совсем забыла,
Не осталось даже силы.
На меня бы поглядела,
Видят все - похорошела.

И ещё, как та жар-птица,
Я люблю принарядиться.

Каждый это знает, видит -
В лучшем я, цветущем виде:

Полнокровна, молодуха.
Ну, а ты - совсем старуха...
Тут хозяйшкa явилась,
Присмотрелась - удивилась:

- И зачем мне волноваться?
Это ж то, что надо братцы.
Нагуляла кура веса, -
На столе как раз ей место,

Куру эту - на жаркое.
Блюдо вышло - золотое,
Все кусочки съели гости,
На столе остались...

Всё, собой отлюбовалась,
И потомства не осталось.
И по ней не плачет жалость.
Куре поделом досталось.

Александр ТОВБЕРГ, 1974 г.р., Красноармейск. Студился на разных рабочих специальностях, окончил ДИСО (факультет журналистики), работал корреспондентом в местной прессе, вернулся в лоно пролетариата. Автор трёх официальных сборников стихов и множества самиздатовских (проза и поэзия). Имеет многочисленные публикации в периодике, в журналах, сборниках Украины, России, Германии, Казахстана. Член КЛУ, МСЛУ. Участник и дипломант литконкурсов и фестивалей. Участник сетевого лито «Стражи Весны» г.Торлова.

РАЗГОВОР ТО ЛИ ПРО МАЛИНУ, ТО ЛИ ПРО ТЯЖКУЮ ЖЕНСКУЮ ДОЛЮ

- Приветствую тебя, Иван.
Ну как дела? Гуляешь?
А почему ещё не пьян?
-Тут разве забухаешь!?
-Что, мировая скорбь опять
Взяла тебя в неволю?
-Ну можно ить и так сказать, --
Грущу о женской доле.
-Ты перегрелся, что ли, Вань?
В башке, что ль, вырос силос?
Кончай мне баки заливать,
С Варварой что случилось?
-Да с ней-то что произойдёт?
-Ну там, понос, запор ли...
-Ой, ну, Егор, ты идиёт
На все мозги, запомни.
Всё дело тут в малине...
-Чё?
А без неё никак тут?
Малина, блин-то, тут при чём?
Уж лучше ври про кактус!
-Да нет, вот слушай, утром я
Проснулся...
-Снились бабы?
-Не помню.

-Ах ты бестия!..

-Ну пусть они хотя бы.

Так вот, -- прохлада, красота...

Я вышел в огородик

Малины посрывать в кустах,

Понародило до черта

Её об этом годе.

Сижу, шуршу себе я в ней,

Хвалю за плодovitость,

Вдруг надо мною голос: «Эй!»

-Да что ты!

-Да иди ты!

Тебе смешно, а мне увы,

Не до потехи было.

Я прыгнул выше головы...

-И завопил, что силы?

-Нет, не вопил, наоборот...

-Что, наложил компоста?..

-Передо мной стояла тёт-

ка, ужасная, как монстр!

-Так всё-таки, шерше ля фрам!?

-Какое там шершеля!

«Чи-чем обязан б-буду вам?» -

Спросил я еле-еле.

«Мужик, - ответила она

Утробным сиплым басом, -

Дай чё-ть пивнуть, а то - хана».

«Щас вынесу ква-кваса».

«Какого ква,.. ты чё, сдурел!?» -

Онадохнула смрадом, -

Мне нужен срочный опохмел!

Мне самогону надо!»

«А может, вам во-во-воды?

Или ра-ра-рассолу?»

«Иди ты, знаешь-ка куды!?»

«Куды?»

«На три весёлых!..

Пред ним, блин, женьщина, паньмаш,

Вылазят из кожи,

А он!.. Ну так чего, не дашь?»
«Вам ма-ма-линки, мможет?
Вот только что насобирал.
П-полезно ведь, ей-богу!»
«Мужик, да ты, видать, дурак!»
«Ну, может, есть,.. немного»...
«Ну дай хоть, что ли, закурить».
«Я год уж не курю как».
«Вот это да, ты посмотри!
Какая невезуха!
Совсем поизмельчал мужик...
А может, гомосек ты?
Ты не стесняйся, ты скажи.
А может, ходишь в секту?»
-Ну и так далее, Егор,
Такая вот малина.
Я в размышлениях с тех пор,
Прокручиваю разговор
С прелестною феминой.
Ох, доля тяжкая всех баб,..
Они же нас рожают...
-Потом расслабиться хотят
И потому бухают?..
Не городи ты, Ваня, чушь.
Вот если бы я был там...
Признайся, что не по плечу
Была тебе кобылка.
-Да я!.. Да я неотразим!
-Ну да, герой квартала.
-Герой, герой, вообрази!..
-Эй, мужички, сообразим?..
Я тут бухла достала...

АУТОТРЕНИНГ

И всё тебе неймётся
И жизнь тебе не в масть

И в речи остаётся
То ль часть, то ли запчасть
Сопит жена чужая
Под мышкой у тоски
И мертвечина жалит
И сушатся носки
 Изменница погода
 Изменится – дай срок
 И Пятница приходит
 13-й порок
Или – пророк – Илья ли?
Неведомо мне то
Лежу на одеяле
Ногами на восток
 И думаю такую
 Навязчивую мысль:
 Всё будет по фэн-шую
 Всё будет зашибись!

Из «Спичечных рассказов»

ОДИНОЧЕСТВА

Одиночество подсказало ему способ действия. Он заказал визитки со своим адресом, но без фамилии, так он решил. И вышел вечером на городские многолюдные улицы. Незаметно он опускал визитки в карманы прохожим. И делал так с полгода, пока однажды, придя домой, не обнаружил в кармане своего пальто чужую визитку. С адресом, но без фамилии. Так встретились два одиночества.

СОН ЗЕКА

Спит зек. Снится ему сон. Эротический. Входит в его камеру нечто странное, непонятного пола.

-Ты кто такое? – недоумевает зек.

-Я твоё уголовное дело, – отвечает нечто.

- А почему в таком виде?
- А потому что возбуждено, дорогой.

ГЛАС ВОПИЮЩЕГО В ПУСТЫНЕ

Стоит человек посреди пустыни и орёт во все стороны света:

-Негодяи, выродки, лжецы, подонки, козлы, дегенераты!..

Караван мимо идёт.

-Мужик, ты чего с ума сходишь? Заблудился, что ли? Давай до города подбросим.

-Да не заблудился я, сам подальше ушёл. Пророк я. Негодяев, выродков, лжецов, подонков, козлов, дегенератов обличаю. Дайте горло промочить.

-Держи. А кто ж тебя здесь услышит?

-Вот тот-то и оно. Услышали бы - по шее бы надавали. Негодяи, выродки, козлы...

Мысли и мыслишки

В рай на чужом горбу не въедешь, потому что всех горбатых могила исправляет.

☺

Сидя на шее у родителей, не бери их за горло.

☺

Есть только одно право, открывающее вид на все права: право быть Человеком.

☺

Является ли философским камень, носимый за пазухой?

☺

Поиски истины сопряжены с потерей идеалов.

☺

Остановить непрерывный поток неприятностей может только мировая катастрофа.

☺

Чёрная полоса в жизни - это широкое скоростное шоссе. Белые полосы - дорожная разметка на нём.

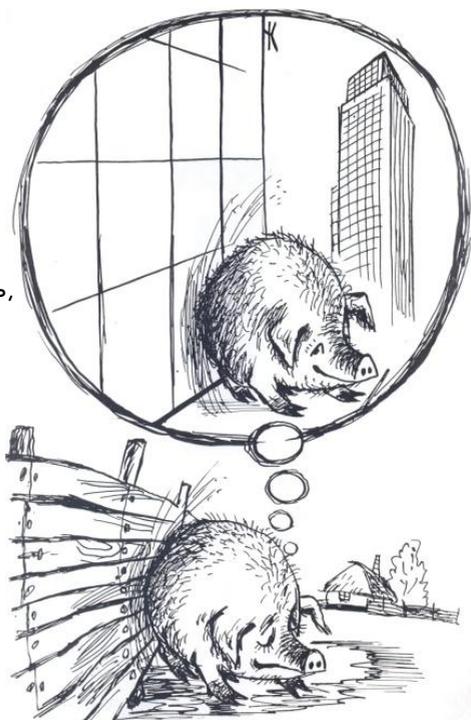
Євген ХАЗОВ, 1964 р.н., Красноармійськ. Закінчив Вище Військово-Політичне училище м.Сімферополь за спеціальністю офіцер-політробітник, працював вчителем історії та суспільствознавства в м.Калінінград (Московська обл.), военруком та вчителем історії в м.Красноармійськ. Мешкає в м.Сімферополь, працює психологом та вчителем історії. Друкувався в Кримській газеті «Світлиця», в періодиці м. Красноармійська.

БАЙКА

Щоб наїстися харчів
З ласої комори,
Понаїхало хряків
На свинячі збори.
Тільки стало щось не так
Після привітання,
Бо загримав старший хряк
Всім на здивування:
-Вже не буде, як велося,
Не дозволю, дзуськи!
Поки ми не навчимося
Хрюкати по-людськи.
Приголомшені хряки
Трохи затремтіли,
Почухали п'ятаки
Й заторохкотіли.
Виступає один свин,
Ховаючи сором:
-Я, наприклад, як нап'юся,
То стаю актором.
Як додому я приходжу,
Заливши всю тяму,
Влаштувати з блиском можу
Справжнісіньку драму.
А з жінкою після драми

Сталась гарна зміна -
Скинула три кілограми.
Чим не балерина!?
Словом, тут не передати,
Як свинячі франти
Почали розповідати
Про свої таланти.
Той в багнюці п'ятаком
Картини малює,
Той начальник, бо хвостом
Мухами керує.
Знов підвівся старший свин
І почав розмову:
-Зріє висновок один,
Слухайте, панове,
Ставити не буду більш
Це питання, годі,
Хрюкайте, як і раніш
По своїй природі.
А якщо накласти вмієм
Побреженьків гору,
То давайте це обмиєм.
Відчиняй комору!
Самогонкой заливались,
Оковиту дули,
Потім хрюкали, братались,
Поки не послули.

Любов ЧОРНА, 1950 р.н., сит. Просяна Дніпропетровської обл. Закінчила Артемівський індустріальний технікум. 30 років працювала на Красноармійському Динасовому заводі. Зараз працює оператором в Красноармійському вузлі виробничо-технічного зв'язку. Неодноразова дипломантка постичних фестивалів та конкурсів. Друкується на сторінках місцевої преси. Авторка книги «Слышу я звучанье лир...» (2010).

Это вовсе вам не спорт
И не тренировка.
А летит во весь «апорт»,
Высочив как пробка,
От кумы наш Вовка.

После длительного боя
Плечет маленькая Зоя,
А для Саши-сорванца
Ликованью нет конца.

Был изгнан с птичьего двора.
Его клевала детвора,
Но дивен мир в сияньи света,
После зимы приходит лето.
И смотрит радостно на нас
Красавец лебедь - высший класс.
А суть-то в чем? А в том ребята,
Что верить сильно в чудо надо.
И будут должность, дом и дача,
И счастье будет всем в придачу.

Плывут спокойно в небе облака,
Застыл рыбак в резиновой лодчонке.
Он взор стремительный не сводит
с поплавка,
Ему «до фени» и русалки
и бабёнки.

Нет никаких проблем у Васи,
Спешит к венцу он на КамАЗе.
Ему кортеж совсем некстати
Из «джипа» и из «лимузина».
Он в кузов всех гостей усадит,
В кабину же - невесту Зину.

Після випитої чарки
Стало хлопцю дуже парко.
Двійка коней вороних
Обернулись на гнідих.
Та й в очах зробилось п'ять,
Звідки ж віжок стільки взять?
І несеться спів здаля:
«П'ята капля - на коня».

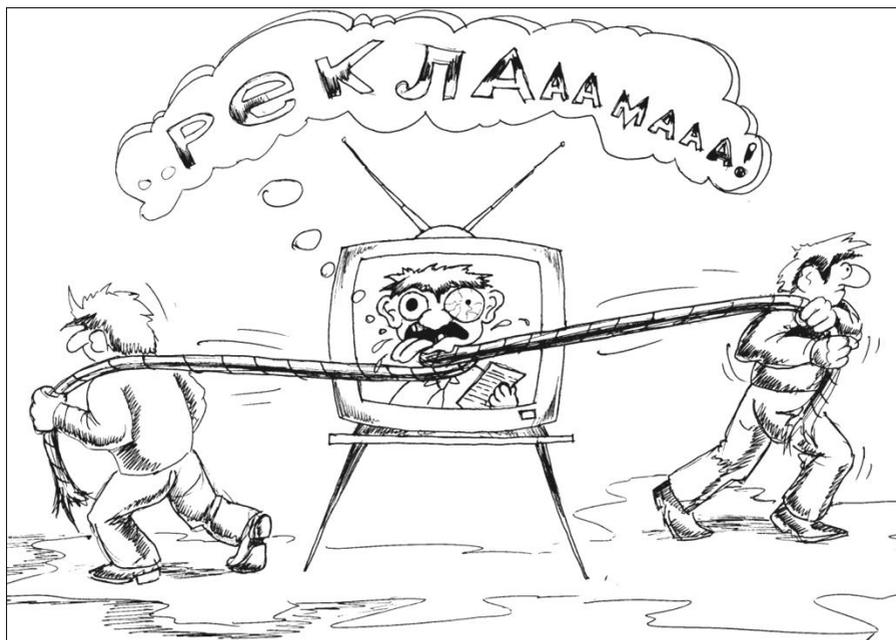
Сергей МЕЛЕШКО, 1974 г.р., Красноармейск.

Трудился в системе МВД. Сейчас – свободный художник, работал и работает в разных жанрах – резьба по кости, татуаж, графика, живопись, витражная роспись, гравюра на стекле, карикатура. Иллюстрировал книги А.Товберга. В 2012 – персональная выставка «Тёплый цвет», в этом же году – участник выставки карикатуры к 1 апреля (Красноармейская ЦТБ им. П.Мевченко).

Содержание

Наша

гостиная:

Абрамов Эдуард – 4
Белаши Борис – 9
Жуковский Святослав – 13
Куц Павел – 17
Наумов Анатолий – 23
Переяслов Николай – 25
Железнова Эльвира – 28
Перестятая-Бабенко Евгения – 31
Замошников Валентина – 33
Осминкина Елена – 34
Афанасьева Лариса – 38
Ларионов Владимир – 41
Яковлева Талина – 44
Дубовик Сергей – 46
Агабекян Анаит – 50
Курапцев Александр – 53
Чайкин Сергей – 57
Италья Андрей – 63
Верховский Вячеслав – 68
Сабаранская Юлия – 77
Федорченко Лина – 79
Квасов Михаил – 83
Морозов Александр – 88

Шендрик Виктор – 92
Капуста Николай (карикатуры) – 99

Красноармейское творческое объединение «Суцвіття»:

Бороденко Юлия – 103
Жовнир Людмила – 109
Иванченко Виктор – 111
Карпова Ирина – 117
Киселёв Олег – 119
Ковтун Андрей – 124
Кугасенко Владимир – 129
Михайленко-Рудьковская Валентина – 133
Михайлов Виталий – 136
Рыбальченко Владимир – 139
Стреленная Жина – 144
Тловберг Александр – 148
Хазов Евгений – 153
Чёрная Любовь – 155
Мелешко Сергей (карикатуры) – 157

Літературно-художнє видання

Колективна збірка гумору, сатири та карикатур

СМІХУ РАДИ

*Збір матеріалів, дизайн, комп'ютерна верстка, макет,
технічна робота – Олександр Товберг, Віталій Михайлов.*

Під загальною редакцією – Олександра Товберга.

Автор логотипу «Суцвіття» – Віталій Шайгорданов.

1 стор. обкладинки – Сергій Мелешко, 2-4 стор. обкладинки – Микола Капуста.

Журнал «Донбас».

Національна спілка письменників України.

83055, м.Донецьк, вул.Артема, 80а.